

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Беседа о молитве.

К читателям.

Автор предлагаемых «Бесед» – монах-пустынник, начавший свой монашеский путь в одной из пустынь Кавказа более 30-ти лет назад. Первым его духовным руководителем на этом пути был Глинский старец схиархимандрит Серафим (Романцов, †1976 г., г. Сухуми), окормлявший после закрытия монастыря пустынную братию и потому считавшийся «старцем пустыни». После смерти о. Серафима автор пользовался духовным попечением воспитанника и преемника глинских старцев схиархимандрита Виталия (Сидоренко, †1992 г., г. Тбилиси). Данные вопросы-ответы представляют собой фрагменты бесед с монашествующими и мирянами о насущных вопросах духовной жизни. Заданы они были автору в разное время, но ради цельности темы построены в форме одной общей беседы. Текст «Бесед» был прочитан, исправлен и одобрен автором для печати по старческому и архиерейскому благословению ради многочисленных просьб тех, кто хотел бы иметь эти ответы в качестве практического руководства к духовной жизни.

Однако, предоставляя данные ответы широкому кругу читателей, автор, прежде всего, адресует их тем людям, которые по каким-либо причинам не имеют духовного руководства и потому вынуждены пользоваться лишь имеющейся под руками духовной литературой: «Первое, что нужно помнить, читая и слушая эти ответы – все они даны на тот случай, когда человек не имеет духовного руководителя (а жизнь-то идет, и решать вопросы как-то нужно). У послушника все очень просто: представил все в полном виде своему духовному отцу, и: „как благословите поступать?“ Как скажет – так и поступать. А тем, кому в силу сложившихся жизненных обстоятельств приходится заниматься самоисправлением и самовоспитанием по святоотеческим книгам – Бог в помощь извлечь для себя какую-либо пользу из здесь написанного...»

Кого мы любим, с тем и беседуем.

Пришлось как-то раз беседовать с одним молодым человеком – студентом. Он верующий, ведет относительно благочестивую жизнь. Но когда у нас зашла речь о молитве, он сказал:

– Я молюсь совсем мало. Да и нужды особой нет: зачем молиться, если все знаешь, все понимаешь? И никаких особых обстоятельств нет, которые побуждали бы на молитву. Если уж будет какая-то особая экстремальная ситуация, тогда буду молиться, а так – зачем? Нет охоты.

– Так что же, – говорю, – ты хочешь молиться «по-мужицки»: пока гром не грянет, мужик не перекрестится?

– Да нет, я, в общем-то, не хочу, чтобы меня постигали какие-то бедствия и скорби. Ну, просто как-то не хочется молиться, да и все...

Что на это сказать? Допустим, родители имеют ребенка. И вот этот ребенок скажет: «Зачем мне говорить с папой и мамой? Если у меня будет какая-то нужда, тогда я буду с ними разговаривать, а так зачем они мне? Я не хочу с ними разговаривать – неинтересно». Разве не оскорбит он таким нелюбовным отношением своих родителей? Оскорбит – и сильно.

Вы никогда не замечали, что когда мы постоим на молитве с холодным чувством, к Богу, то и люди проявляют к нам холодность? А после усердной, теплой молитвы к Богу и отношения людей к нам становятся более теплыми.

И сплошь и рядом встречается, что если родители становятся холодными к Богу, то и дети остывают в своей естественной любви к родителям. Но это почему-то не берется во внимание. А Господь сказал: «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:2).

Кого мы любим, с тем и беседуем, с тем и общаемся. Или даже если сидим молча, все равно радуемся, чувствуя присутствие любимого. Так же и пред Богом: если нам «скучно» с Ним на молитве, следовательно, мы потеряли к Нему любовь. Мы оскорбляем нашего Небесного Отца и, фактически, теряем с Ним тот контакт, который нам же в первую очередь и требуется. Не Богу нужен этот контакт, а нужен нам для нашей вечной жизни. И если мы не установим его, подобно электрической лампочке с электросетью, то что с нами будет? Если лампочка не включается в электросеть, она становится ненужной, и ее выбрасывают на мусорник. Так и мы, если не соединимся с Богом, то, как негодная лампочка, будем выброшены на мусорник духовный, который называется «ад» и «вечная мука».

«Любить Бога никакие дела не мешают»

– Суета мешает...

– Старец Силуан говорит: «Любить Бога никакие дела не мешают».

– А применимо ли это понятие к нашей современной жизни, особенно мирской? Ведь наш век «отмечен» особой суевой и безверием. Слышит ли современных людей Бог? Доступна ли им сегодня та «живая» молитва, о которой Вы говорите?

– Иногда мы спускаемся с гор в селение, останавливаемся у мирских людей, общаемся со здешними многонациональными жителями. И порой мы просто удивляемся, насколько в таких осуетившихся, казалось бы, до предела людях теплится живая, искренняя вера. Бывает, заходит речь о житейских делах и скорбях, и простая мирская женщина говорит:

– Я пошла, помолилась, и Господь дал то-то и то-то.

Другая ей говорит:

– Как это Бог может нас услышать?

Но первая с уверенностью отвечает:

– Я стояла (столько-то времени), молилась, и Бог меня не услышит? Этого не может быть!

И, действительно, видишь: она получает то, что просила.

А вот конкретный пример, как молилась одна молодая женщина. Когда мы однажды спустились в селение, она рассказала нам следующую историю: «В один из вечеров сидели мы на кухне, было нас человек десять[1]. Они разговаривают между собой, а я сижу на стуле, смотрю на иконы и молюсь внутренне, Иисусову молитву читаю[2]. Вдруг все как бы подернулось какой-то дымкой, я никого не стала видеть и никого не стала слышать. А молитва – такая сладкая и приятная... И вдруг за окном раздался голос: „У-у-у! Христиане, кому вы молитесь!.. вы бумажке молитесь!.. кому вы молитесь!..“ Я встrepенулась, смотрю на всех – думала, что все слышат.

– Вы что-нибудь слышали?

– Нет, мы ничего не слышали. А что?

И я поняла, что кроме меня никто этого голоса не слышал»[3].

Вот пример женщины-мирянки, которая, при ее искреннем желании молиться живо, получила такую молитву. Господь нелицеприятно дал ей этот опыт.

Господь слышит каждого человека, будь то монах, мирянин или неопит (т. е. новоначальный) – лишь бы человек искренне обращался к Богу. В какой форме – или Иисусову молитву он читает, или Псалтирь читает, или по молитвослову утренние и вечерние молитвы – это не столь важно. Нужна только искренняя, сердечная непосредственность, можно сказать, детская обращенность к Богу. И Бог, будучи нашим Отцом, принимает наше обращение сердца[4].

Молитва – это тайна общения души с Богом

– Молитве нужно обучаться по какой-то методе?

– Молитва – это тайна общения души с Богом, и она не совершается по какой-то «инструкции». Если душа поняла, к чему она должна стремиться, то она должна деятельно исполнять это, и Господь будет ее учить, наставлять и приближать к Себе. А преподавать здесь какую-то общую теорию сложно, потому что теоретически это может быть одно, а практически у каждого человека

Беседа о молитве filosoff.org
получается по-своему, со своими особенностями.

– Почему это так?

– Потому что Господь подает каждому человеку свое, как читаем в тропарях: «Глубиною мудрости вся строяй и полезная всем подаваяй». Один, начиная молиться, первое – ощущает свою греховность, свое непотребство и начинает плакать. Бывает горький плач; бывает плач, растворенный утешением, как говорится – «радостотворенный плач», когда человек уже очистится несколько от грехов.

У другого бывает наоборот: сначала чувствует радость несказанную, такую, что «сердце играет и грудь распирает» от радости. Он молится и чувствует на себе исполнение слов псалмопевца: «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33:9). А потом, по прошествии некоторого времени, приходит к нему скорбь, печаль о своих грехах, постигают внешние искушения. И он уже в этих внешних искушениях на некоторое время рассеивается. Но потом вспоминает, как он чувствовал себя вначале, какое было ему утешение, и снова обращается, ищет того блаженного состояния, сердечной молитвы к Богу и отвращается от всего внешнего.

А иной может получать вразумление, утешение и благопоспешение во внешних делах. Скажем, занимается он стройкой – храм строит или монастырь. Помолится и видит явную помощь Божию: кирпич достал, рабочие нашлись добросовестные – все быстро, хорошо сделали, и он за это благодарит Бога. И таким образом приходит в познание, что если он молится, значит, Бог его слышит, принимает его молитву и отвечает ему вот такими делами.

Фактически, здесь совершается одно и то же: человек вступает в Богообщение, только внешне оно проявляется по-разному – как усмотрит Господь в каждом конкретном случае. Но у каждого человека при этом должны быть сердечная обращенность к Богу и вера в то, что если он произносит молитву, значит, Бог его слышит.

О том, что Богоугождение и духовное делание совершаются везде – как в глубочайшей пустыни, так и среди мирской суеты

– Как-то раз пришлось быть в одном монастыре. Некий иеромонах говорил проповедь о покаянии. И для того, чтобы привести наглядный пример, он показал в контрасте: «Приходят на исповедь некоторые люди. Спрашиваешь их: „Чем согрешили?“ Жмут плечами: „Не знаем, батюшка: вроде бы не убивали, не грабили“. И вот подходит старец-пустынный, человек с чистой, детской душой, и исповедуется у меня около часа. Спрашивается: в чем он может каяться? Какие грехи он может рассказывать?»

Такой контраст батюшка привел для наглядного сравнения. Потом, немного помолчав, добавил: «Я приоткрою вам секрет, в чем же могут каяться люди духовные. К примеру, стоит человек на молитве, слушает правило. И если при этом какая-то фраза из слушаемых им молитв не усвоилась умом, прошла мимо, он считает это за грех. Но бывает и другая степень восприятия. Человек слушает слова молитвы, они воспринимаются его умом, входят в его сердце, из сердца восходят к Богу, от Бога приходит ответ, и человек сердцем этот ответ воспринимает. И вот если не произошла такая „цепочка“, т. е. слова молитвы не воспринялись умом, не прошли в сердце, от сердца не взошли к Богу, и от Бога не пришел ответ, то это считается у человека духовного грехом, и он в этом кается».

Услышав такие слова о молитве, душа уязвилась подобным идеалом. Но вместе с этим она ощутила и скорбь: ведь в пример был приведен старец, живущий в горах, т. е. подвижник...

Невольно возникает вопрос: имеет ли смысл желать обрести такую молитву «простому смертному»? Возможно ли это? Или же был показан только «образчик» далекого, прекрасного и совершенно недостижимого идеала – для того, чтобы мы лишь узнали, что «такое бывает»?

Беседа о молитве filosofff.org

– Как видим из житий Святых, в частности, из жития преподобного Антония Великого, основоположника монашеского делания, – он был направлен Промыслом Божиим в Александрию к кожевнику, который имел превосходящее его – преподобного Антония – делание. Так же и преподобный Макарий Великий был направлен учиться у двух женщин-мирянок[5].

На основании этих и других, описанных в житиях примеров, мы можем сделать вывод, что Богоугождение и духовное делание совершаются везде – как в глубочайшей пустыни, так и среди мирской суеты.

– К сожалению, приведенные примеры так далеки от нас по времени...

– Разве это имеет значение? «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). Все зависит от человека – от его веры и от того, как он проходит свой путь, а не от времени, места, звания или сана. И примеров тому – множество, их только нужно уметь видеть (а не увлекаться поиском одного лишь «яркого» и «из ряда вон выходящего»).

В качестве примера можно взять жизнь нашего современника, раба Божиего Алексея Подройкина (в дальнейшем – нашего сподвижника по пустыне монаха Афанасия). Отец Афанасий жил невдалеке от нас, и потому мы имели возможность немного знать о его прошлом.

В миру о. Афанасия звали Алексеем. Он вел обычную мирскую жизнь, был семейным человеком: имел жену, сына, дочь. Работал сначала таксистом, потом – в том же автопарке слесарем.

Время было советское, поэтому приходилось терпеть и притеснения, и насмешки, и даже открытые гонения. Но, тем не менее, Алексей старался жить по совести и соблюдать Евангельские заповеди. Ходил в церковь, усердно молился, смирялся, терпел (а терпеть ему приходилось очень много) и на всякое доброе дело призывал Божию помощь.

Был у него такой интересный случай. Его начальник – директор автопарка – купил себе иномарку. Немного на ней поездил, и она испортилась. Нужно было куда-то срочно ехать, а она стоит. Директор вызвал главного механика, слесаря и токаря: «Сделайте мне завтра машину». Они позвали Алексея:

– Иди, делай!

– Завтра воскресенье, я не пойду.

Они обругали его, но, видя, что он непреклонно стоит на своем, махнули рукой:

– Ну, и не надо, набожник ты этакий! Сами без тебя сделаем.

Пошли, возились целый день, но так и не сделали. Вроде сделают, поставят, а эта помпа опять течет...

На следующий день пошли докладываться директору: дескать, ничего не получается. Он вызывает Алексея:

– Иди, сделай мне машину.

– Как же так? Главный механик с мастерами не сделали, а я что сделаю?

– Ну, иди, может, что-нибудь все-таки сделаешь.

Он послушался и пошел. Помолится перед этим, конечно. Перекрестился: «Господи, вразуми, что здесь надо сделать?» А эти главные мастера стоят и смотрят: что он будет делать? Алексей перекрестился сам, перекрестил машину, потом пошел, подкрутил что-то, и говорит шоферу: «Разбирай». Тот разобрал. Посмотрели: все стоит на своих местах. Алексей перекрестил помпу: «Теперь собирай». Шофер собрал, поставил, залил воду – не течет...

Шофер пошел, доложил директору, что машина отремонтирована. Директор и механик спрашивают: «А что он сделал?» – «Я разобрал, он перекрестил, я снова собрал – и все».

С тех пор Алексея на работе уже не терроризировали за то, что он ходил в церковь и не заставляли работать в воскресные дни.

Но минуло одно искушение – пришло другое: восстала жена. И восстала очень сильно. «Я, – рассказывал впоследствии о. Афанасий, – понял, что это уже бес через нее так действует, и начал более усердно молиться», – хотя, практически, вся его жизнь была непрерывным обращением к Богу. Бывало, он так погружался в молитву, что жена кричит, а он абсолютно ничего не слышит. «Я, – говорит, – молюсь, и у меня так тихо, так мирно на душе... Потом придю в себя, смотрю на нее. Она стоит, кричит. Закончила, и:

– Ну, ты все понял?!

– Что?..

– Ты что, ничего не слышал?! На небесах уже летаешь?! – и снова понеслось».

Доходило даже до того, что она с ножом бросалась на него. Но он очень мирно, очень кротко все терпел. Она доходила до истерики, а ему Господь давал милость благодушно все претерпевать. И это продолжалось много лет.

Потом, судьбами Божиими, раб Божий Алексей стал монахом в Почаевской Лавре (постригли его с именем Афанасий). Последние годы своей жизни о. Афанасий провел на Кавказе, в горах. Кончина его была блаженная (мы были тому свидетелями). Перед смертью он принял схиму с именем Алексий.

Вот – так что, помоги нам Господи из этого примера сделать для себя душеспасительный вывод...

Даже малый молитвенный опыт научает нас осуществлять процесс молитвы «со скоростью света»

– А что Вы все-таки можете сказать о вышеупомянутой молитвенной «цепочке»? Правильно ли понимать, что именно такое качество должно быть у молитвы: восприятие от слуха, потом вхождение в сердце, потом восхождение от сердца к Богу и далее – восприятие ответа от Бога, или же существует какое-то иное качество?

– Здесь, мне кажется, процесс молитвы рассмотрен как бы «под микроскопом». На самом деле все происходит намного проще: мы внутренне душой вопием к Богу, Он слышит, воспринимает и как-то отвечает – чаще благой мыслью или благим устроением нужных обстоятельств. А смотрим ли мы в это время на молитвы, читаемые нами по молитвослову, или же слушаем, что читает чтец, или просто молимся своими словами – это не столь важно, лишь бы было внимание, вера и благоговение.

Вышеупомянутая «цепочка» – да, она такая существует. Но само это знание нужно лишь для того, чтобы мы поняли, как мы должны действовать. А если мы это поняли (что так мы должны действовать), то даже малый молитвенный опыт научает нас осуществлять процесс молитвы «со скоростью света».

– А ответ?

– А ответ будет тогда, когда Господь пошлет. И какой он будет – это зависит от Его премудрости и... от нашей глупости.

– Как это так?

– А вот так. Потому что Господь глупого вразумляет по-разному. Ну, вот как на моем примере.

Приехал к нам однажды один человек, побыл некоторое время и надо ему уже

Беседа о молитве filosofff.org

уезжать – собирает вещи. Тут попадаетея мне на глаза книга, с которой я некоторое время занимался – выписывал из нее цитаты. Думаю: «Отдать ее, что ли? Вроде бы она мне не нужна. Господи, как быть?..» А внутри себя чувствую: «Не отдавай, она тебе еще понадобится». Мысленно противлюсь:

– Зачем? Я не хочу этим заниматься!

И ответ – тихий такой:

– Что ты потом будешь делать? Будешь искать, а ее не будет. И потом будешь требовать вернуть ее тебе обратно.

– Да нет, я не хочу больше этим заниматься!!!

И отдал. А потом несколько месяцев вспоминал: «Ах, была бы книга!.. Ах, была бы книга!.. Нужна вот цитата, а я не помню!»

Так и страдал несколько месяцев из-за своей глупости, пока не вернул книгу назад. А почему страдал? Потому что вразумление пришло, а я его отверг, да еще препирался с ним. Конечно, следующий ответ будет уже более затруднительным, потому что я проявил глупость и непослушание – кому? Ангелу-хранителю и Богу. Вот так Господь учит... А поскольку мы не слушаем, то получается один лишь вред.

Просить непосредственное вразумление от Бога – дело крайне серьезное

– Но как можно «ответ» не попутать с чем-нибудь другим – например, со своей мнительностью или голосом страстей и бесов? Так ведь и в прелесть можно впасть.

– Действительно, просить непосредственный «ответ» от Бога, да при чем тут же в мыслях – дело крайне серьезное, ошибиться – очень страшно. Я к этому прибегал только тогда, когда жил в полном уединении без единого человека поблизости на день пути (а зимой вообще не было возможности куда-либо выходить). Потому, как это делается, я лучше говорить не буду.

Теперь, когда у меня есть рядом иеромонах, намного проще и безопаснее поступать по-другому: отринув всякое свое желание (чтобы мое дело было решено так или этак), помолившись усердно: «Господи, вразуми раба Твоего иеромонаха N. как Тебе угодно, чтобы я поступил в этом деле» и, беспристрастно изложив недоумение, воспринять первое его слово, как Волю Божию.

Молитва и Господня помощь во всех обстоятельствах неразрывны и действуют мгновенно, если надеемся на Бога, а не на себя

– Но ведь у каждого человека в жизни могут быть (и бывают) экстремальные ситуации, когда и спросить-то не у кого (или на это просто нет времени). Как в таких случаях не отчаяться, не преткнуться на помысле: «Слышит ли меня БОГ?»

– Душа чувствует, когда ее молитва принята. В этом мы перестанем сомневаться, если у нас будет какой-то собственный опыт. Это постигается только практически – особенно, когда требуется срочное вразумление, как нам подобает поступить (скажем, когда складывается экстремальная ситуация).

Здесь не нужно говорить какие-то целые «речи» или читать длинные молитвы. Просто восходит от сердца к Богу внутреннее обращение: «Господи, как в этой ситуации (или в этом состоянии) мне поступить? Вразуми меня! Помоги мне!» И тут же Господь дает ответ – благую мысль или чувство на сердце – и человек начинает действовать.

– Могли бы Вы привести какой-либо пример помощи Божией в экстремальной ситуации из своей жизни?

– Разные бывали случаи. Во всем Господь помогает. Молитва и Господня помощь во всех обстоятельствах неразрывны и действуют мгновенно, если, конечно, надеемся на Бога, а не на себя.

Был у меня такой случай. Однажды пошел я искать новое укромное место для кельи. Сначала шел по тропе, а потом повернул и направился, как говорят, «по азимуту» на один горный отрог. Пролезать приходилось через такие заросли, что ветки тыкались не только в глаза, но иногда попадали даже и в ноздри...

Но вот, к счастью, на моем пути попался поток, как его здесь называют – «желоб». Я спустился и пошел по нему вниз. Пройдя немного, наткнулся на восьмиметровый водопад. Видя, что спуститься не получится, начал его обходить, но вскоре дорогу преградила вертикальная каменная стена. После тщательного осмотра я обнаружил на ней небольшой карниз шириной в три-четыре пальца. С большим риском прошел около четырех метров, и, выйдя на каменную осыпь, снова побрел вниз по желобу.

И вот – снова водопад метров двенадцать. Сначала я хотел спуститься по веревке, но, передумав, достал топорик, прорубил кустарник вокруг и сделал обход по склону. Однако вскоре путь преградил третий водопад. Обойти его уже не было никакой возможности – с обеих сторон нависали крутые скалы.

Увидев, что двигаться дальше нельзя, я решил возвращаться назад, но тут вдруг заметил, что под скалой проходит след диких коз, обходивших этот водопад. «Ну, – думаю, – если козы здесь проходили, может быть, и мне как-нибудь удастся пройти с Божией помощью». Сделав обухом топора ступеньки, благополучно спустился вниз. Поток впадал в небольшую речушку, перейдя которую, я начал подниматься на противоположную гору. Идти было очень тяжело из-за непролазных дебрей, поэтому снова пришлось искать какой-либо желоб.

На спине у меня был довольно увесистый рюкзак с одеждой, продуктами и всем необходимым для путешествия и ночлега в лесу под открытым небом. День клонился к вечеру, нужно было подыскивать удобное место для ночлега, а тут – опять водопад. Но поскольку он был не вертикальный, а отлогий, то я решил не лезть в дебри, а подняться по нему.

Чем выше я поднимался, тем становилось все круче и труднее. Потом начали попадаться камни с наклоном вниз, покрытые тонким слоем осыпной земли. Ноги заскользили, я опустил на колени...

До верха осталось метра два, но взяться не за что. Уцепился за один камушек, подтянулся, но вылезти наверх не удалось. Дотянулся еще до одного камня, ухватился за него, но он оборвался, чуть не ударив меня по руке. «Ну, все! – промелькнуло в голове, – смертельная опасность!» Еще усилие – бесполезно...

Почти прилипаю грудью к скале. Рюкзак тянет назад, колени медленно скользят вниз. Держусь, опираясь на левую руку, зацепившись только одним большим пальцем за небольшой выступающий камушек. Вдруг чувствую, что и он зашевелился... «Ну, все, конец! Если не убьюсь, то кости переломаяю точно. А кто меня здесь найдет? Никто!»

Тут я взмолился ко Господу и Матери Божией: «Мати Божия, оставь меня в живых, ведь я еще не покаялся!» И слышу в сердце ответ: «Только сбрось рюкзак» – «Ну как же, – сработала сразу мысль, – ведь там у меня фонарик и спички! Как же я безо всего этого выживу в холодное время в лесу в одной холщовой рубахе, да еще и мокрый? К тому же рюкзак ударит меня по ногам, и я полечу вслед за ним...» Но чувствую, что первое повеление остается в силе...

Сбрасываю.

Облегчившись от груза и прижимаясь к камням, медленно сползаю со скалы, прислушиваясь к шуму покотившегося далеко вниз рюкзака. Не теряя ни минуты, поспешно спускаюсь вслед за ним.

Спустился к речке – рюкзака нигде нет. Прошел вниз по течению метров пятьдесят – тоже нет. Туда-сюда – нигде нет, как сквозь землю провалился!

Вода не очень большая, чтобы могла далеко унести. Тем более, в воде ветки, корни, камни – должен зацепиться лямками. Но его нигде не видно... Да уже и сумерки спустились, искать дальше бесполезно.

Так остался я без рюкзака в ущелье горной реки, по которому идет холодный сквозной ветер, в мокрых брюках и мокрой рубашке. За поясом – маленький топорик, в кармане – часы, на шее – четки...

Встал я на молитву, поблагодарил Господа и Царицу Небесную за избавление от беды и смерти и промолился с восьми до одиннадцати часов вечера.

Но чувствую – начинаю прозябать, да так, что с трудом могу сложить пальцы для крестного знамения. «Э-э-э, – думаю, – до утра я не дотяну, замерзну, ведь время осеннее. Весь день шел, крепко устал, обязательно усну. И если усну – то больше не проснусь (по медицинскому опыту знаю, что такое бывает). А идти обратно на эти водопады... ведь по-человечески невероятно, что их можно пройти благополучно. Что же мне делать?» Помолился, как умел и как смог. Сердце склонилось «идти». «Ну, Господи, – сказал я, – сохранил Ты меня там, сохрани меня и здесь, все возможно Тебе!»

И пошел...

Шёл, конечно, ощупью, и на первом водопаде оборвался одной ногой в пропасть, но успел зацепиться за какой-то корень. Второй прошел благополучно. Но более всего меня страшил тот узенький карнизик, по которому я и днем-то прошел с большой опасностью. Подошел к нему, нашел какую-то ветку наверху и... прижавшись к скале впритирку, протиснулся обратно намного легче, нежели днем...

Когда поднялся к непроходимым дебрям, спустилась туча, и пошел снег. Несмотря на то, что я поднимался вверх, напрягаясь изо всех сил, продрог «до костей» – если бы остался в ущелье, наверняка бы замерз насмерть.

Вокруг было так темно, что иногда я шёл даже с закрытыми глазами. Различимы были лишь кроны деревьев на фоне неба, а внизу была сплошная тьма. Но надо сказать, мне показалось весьма удивительным то, что, пролезая в осенней тьме эти дебри (где сухие ветки даже днем тыкались мне в ноздри), я не заметил какого-либо серьезного царпанья по лицу...

После нескольких часов ходьбы по зарослям нужно было выйти на охотничью тропу. Но определить, правильно ли я иду, я не находил никакой возможности. Сел, отдыхаю, молюсь и размышляю: «Как мне сориентироваться, куда идти дальше? Где я нахожусь? Где охотничья тропа?»

Вдруг слышу шумок: «чап-чап», «чап-чап»... Ага, значит, идет медведь! Сижу тихо, а он приближается все ближе и ближе. Известно, что медведи в спокойном состоянии тоже ходят по тропам, поэтому я начал внимательно прислушиваться. Было весьма радостно, что Господь таким образом указал мне тропу. Я пошел по ней, а медведю крикнул, чтобы он убежал подальше.

Часа через полтора должен быть поворот с охотничьей тропы на нашу. Снова недоумение. И снова – молитва и благая мысль...

Вдруг вспомнилось, что на месте развилки на живом дереве висит сухой каштан и его можно заметить на фоне неба. Я начал больше смотреть на небо, и, в самом деле, вскоре заметил контур упавшего каштана. Свернул, убедился по срубленным веткам, что точно нахожусь на своей тропе, и подумал: «Ну, все, теперь я уже смогу дойти до кельи!»

Отдохнул еще немного и пошел. Сделал два-три шага – какой-то большой камень, тропы нет. Вернулся назад, прошел немного в другую сторону – тропы нет, сплошные заросли. Еще в сторону – нет тропы...

Вернулся, нащупал срубленную ветку – стою ведь на тропе! А сделаю несколько шагов и теряю ее. «Господи, вразуми! Что за искушение? В таких дебрях прошел, а на тропе запутался!» И слышу мысленный ответ: «А ты ведь теперь уже понадеялся на себя, что вышел на свою тропу и попадешь в келью... ну, что ж, иди, попробуй...» – «Господи! – взмолился я, – прости меня, самонадеянного безумца! Прости меня!»

После этого пошел, ни разу не сбившись, и к утру благополучно добрался до

своей кельи.

* * *

Спустя два года пришлось мне еще раз побывать на тех водопадах, но уже вдвоем с отцом N. Рассказал я ему о своем ночном путешествии. Не знаю, что подумал отец но самому мне пришла мысль: «Хотя я и верующий, но если бы кто-то вел меня по этим местам и говорил, что он прошел здесь в темноте осенней ночи безо всякого вреда, то это и мне могло бы показаться невероятным».

Да, невозможное человеку – возможно Богу. И Бог наш один и Тот же сегодня, Каков был сто и тысячи лет назад, Который сказал: «Призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49:15).

У Бога нет лицеприятия

– Ну, а если в экстремальную ситуацию попадет человек неопытный, «духовно слабенький»?

– Что ж, – для примера приведу случай, который произошел с человеком мирским и, можно сказать, почти неверующим.

Как-то раз поздней осенью пошел этот человек на охоту. От селения ушел далеко – охотился на высокогорных пастбищах. В это время начался сильный дождь. Охотник, промокнув «до нитки», добрал до ближайшего балагана[6], развел костер, напился чая и расположился на ночлег. Для того чтобы высушиться, разделся, всю свою одежду и обувь развесил на веревку над костром, сам лег рядом и уснул.

Проснулся от какого-то странного запаха. Смотрит, а его последняя рубашка догорает. Оказывается, пока он спал, костер разгорелся, веревка, на которой висела одежда, перегорела и оборвалась, вся одежда свалилась в костер и сгорела. А тут еще, в довершение всех бед, холодный дождь сменился снегом. И остался бедняга босиком, в одной «набедренной повязке», зимой среди леса...

Что делать? Посидел-посидел, но ждать нечего: пока есть силы надо бежать. И пустился бегом по снегу. До ближайшего селения – около сорока километров. Надежды остаться в живых нет почти никакой. Тогда охотник, хотя и был маловерующим, в отчаянии возопил к Богу: «Господи, помоги! Видишь, я погибаю!»

А в этот день некий монах-пустынный M., построивший себе тайную келью далеко в горах, возвращался домой по свежему снегу, радуясь, что никто его уже не потревожит, т.к. снег закрыл все пути.

Охотник, пробежав еще немного, вдруг увидел след недавно прошедшего человека. И хотя ему было странно, что след вел в горы, а не в селение, он двинулся по нему, полагая, что это устроено Богом (до селения все равно еще оставалось около тридцати километров).

M., придя в келью, радовался началу долгожданного одиночества...

...И вот вдруг снаружи слышится чей-то голос. M. выглядывает и видит на снегу... обнаженного человека. Господи, помилуй! Что это? Или это привидение?... Или на самом деле?..

– да не бойся, не бойся! Помоги мне – я замерзаю!..

M., конечно, завел охотника в келью, отогрел, накормил...

Так, милостью Божией, этот человек спасся от явной смерти.

Господь исполняет наши желания в несравненно большей степени, чем мы это можем себе представить

– Некоторые люди все же не верят тому, что Бог нас слышит и как-то нам отвечает. Они не понимают, как может ответить нам Бог...

– Божий ответ мы чувствуем сердцем. Чаще же он приходит к нам самим делом (как в случае с замерзающим охотником). Понаблюдайте каждый за своей жизнью, и вы увидите, что не только молитвенно высказанные прошения исполняются любящим нас Богом, но даже многие наши добрые желания (высказанные или даже не высказанные), сердечные чувства, стремления со временем осуществляются Его Промыслом. Это и есть Божий ответ. Но только этот ответ мы получаем не в такой форме, как в беседе с человеком, а в такой, как Бог изволит явить.

Даже желания наши часто исполняются. Я тоже вспоминаю, какие были желания, и те Господь исполнил. Помню, посмотрел, идут туристы: «Вот бы мне такой рюкзак». И через некоторое время преподносят мне такой рюкзак. Посмотрел на ботинки, думаю: «Хорошие ботинки». И вот на тебе такие ботинки. И так – на каждом шагу. Однажды приехал к нам в гости один послушник, и у меня мысль: «Вот раб Божий, с ним вполне можно было бы совместно подвизаться». А лет через десять он приехал сюда насовсем...

Так что Господь наши желания исполняет в несравненно большей степени, чем мы это можем себе представить, только мы не внимаем этому и потому впадаем в апатию, ропот, уныние, расслабление – вроде бы Господь нас не любит, вроде бы Господь нас не слышит, вроде бы Господь про нас забыл. Это – оскорбление Бога и в этом нужно каяться. Если слышит Бог всякое праздное слово, – когда человек говорит хулу или какое-нибудь непотребство (это же все записывается, отвечать надо будет), – то тем более разве Он не слышит наших молитв? Все Он слышит, и все воспринимает, только мы не внимаем тому, как Он нам отвечает. Вот наша беда.

Вера – это порыв [7] через препятствия

– Когда душа приобщается к малым крупичкам живого молитвенного опыта, а потом (в остальное время) разрушается цепь общения с Богом, то душа впадает в расслабленное состояние: «Если нет в сердце живого чувства, то и вообще ничего не надо!» – нападает апатия, уныние и происходит разрушение всякой попытки молитвы, «тихий бунт»: «Или так, или – никак! А мертвой молитвой молиться не буду!» Это, наверняка, искушение?

– Да, это искушение. Оставление молитвы навеивает диавол. Когда мы вырываемся из его сетей, он всеми способами ухищряется снова уловить и удержать нас в них, чтобы душа не воспарила к Богу. Потому-то он и делает такие внушения. Как рассказывал один батюшка: «Я ощущал, что какое-то леденящее чувство наполняет меня, будто кто-то шприцом вливает мне в душу что-то холодное, мерзкое и страшное – как бы некий бунт против Бога. Я осознал, что это не мое, но не мог этому сопротивляться. А потом все-таки начал бороться и освобождаться от этой диавольской накачки». Подобные искушения постигают каждого человека в жизни: кого-то в большей, кого-то в меньшей мере. И с ними мы должны бороться, потому что в этом борении проявляются наша верность и преданность Богу.

Вот мы читаем евангельское повествование: слепец сидел около пути, а Христос шел мимо (Мк. 10:46–52). Слепец закричал: «Сыне Давидов, помилуй мя!» Сказано: «Предходящие запрещали ему» – дескать, «молчи, не кричи!» А он еще более начал кричать. Это образ того, что когда душа начинает кричать к Богу, «предходящие» – наши страсти, наши грехи – они поучают, советуют и даже закрывают нам уста: «Да не надо, перестань!» И эти лукавые советники предлагают прекратить молитву под самыми разнообразными предложениями: «Да ты все равно не умеешь молиться, брось!», «Да тебя Бог не услышит!», «Да это у тебя пустая трата времени!», «Да это бесполезное дело, оставь!», «Да все равно ты не получишь настоящей молитвы!», «Сегодня нет наставников в делании молитвы, оставь ее заниматься, а то в прелесть впадешь!» – и прочие самые разнообразные благовидные предлоги внушаются нам бесами, не допускающими нас призывать Целителя и Спасителя нашего. И если мы перестаем молиться, то делаем большую ошибку.

А евангельский слепец еще больше кричал. И когда Христос его позвал, то он «отверг», сказано, «ризы своя и прииде ко Иисусови». Заметьте: когда он отверг все вещественное и плотское, тогда приблизился к Спасителю. Так и нам должно отвергнуть всего плотского, ветхого человека, и тогда мы придем к Иисусу, и Господь отверзет нам очи. Вот образ нашей молитвы.

В Священном Писании сказано: «В скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны» (Рим. 12:12). Это означает, что мы должны, несмотря ни на что, быть постоянными в молитве и терпеть вот эту брань и тяготу от плоти и диавола. Ведь ей – молитве – сопротивляется вся демоническая сила, сопротивляется наш ветхий человек, сопротивляется само наше тело, потому что оно брэнное. Но, тем не менее, мы должны отвергать все, что стоит на нашем пути к Богу и кричать подобно евангельскому слепцу: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!»

Здесь еще немаловажно может быть благодарение за саму тяготу: «Господи, благодарю тебя за то, что Ты даешь мне увидеть, какой я негодный на самом деле пред Тобю, и что помогаешь мне преодолеть все препятствия на пути к Тебе!» Ибо противностями проверяется наша любовь и стремление к Богу, как сказал некто: «Вера – это есть порыв [8] через препятствия».

На молитве наша вера свидетельствуется тем, что мы прорываемся через помыслы, желания, мечтания, нехотения, тяготу и даже самую телесную утомленность, дебелость, заботы, обремененность и т. д. Мы свидетельствуем, что, будучи облечены плотью, желаем жить не по скотским похотям, а по уму, т. е. быть духовными личностями и служить Богу, подобно Ангелам, таинственно уподобляясь им в предстоянии пред Творцом. Так что в этом нашем борении заключен очень важный момент духовной жизни.

Вспоминается рассказ одного знакомого архимандрита, который присутствовал при кончине некоего старца. История этого старца была такова: он пришел в монастырь и начал усердно заниматься Иисусовой молитвой. Через некоторое время молодой подвижник, действительно, преуспел в молитве – она пошла у него уже самодвижная. И вот однажды этот монах увидел во сне прекрасную девицу, которая, подойдя к нему, сказала: «Ну, вот – ты видел меня. А теперь я ухожу, и ты меня поищи». Проснувшись, он ощутил, что самодвижная молитва покинула его... И тогда он понял, что девица, виденная им во сне, была образом молитвы, которая от него ушла, и что теперь ему снова нужно заниматься трудовой молитвой. Монах усиленно за это принялся и в таком труде провел около 50-ти лет.

Незадолго до смерти его посетил старый друг-сподвижник (который потом и рассказал мне эту историю). Когда он находился возле старца, то вдруг увидел, что старец сделался необыкновенно радостным и в духовном восторге воскликнул:

– Пришла!.. Пришла!.. Наконец-то она пришла!..

– Отец, кто пришел? – ведь никого кругом не было.

– Молитва пришла!.. И так пришла, что наполнила меня всего! Я не могу тебе передать, какое я имею чувство!

При этом старец рассказал брату свою историю: как молитва в начале пришла, потом покинула его, и сколько лет он ее искал.

Так что, действительно, если мы что-то делаем ради Бога, Господь нас не оставит Своею милостью, лишь бы мы не оставляли Его и делали то, что зависит от нас. А все благое завершит Господь в свое время Своею благодатью.

Нужно нудить себя на добродетель – а не так, что сегодня начали делать, а завтра уже ищем плодов. Говорим: «я столько-то времени делаю то, другое, третье, но никакого плода нет». Старец, как видим, 50 лет нудил себя на молитву – и только перед смертью она посетила его и дала покой, радость и благодатное утешение в такой степени, что оно не вмещалось в его душе. И старец в радости и благодарении Богу преставился от этой жизни, явив нам пример труда и терпения.

А современные делатели зачастую не имеют ни терпения, ни постоянства и

Беседа о молитве filosofff.org

потому остаются без плодов. Только взялся за дело и вскоре он уже изнемогает, уже не может понудить себя. Вернее не «не может», а не хочет. Он хочет, чтобы сразу посыпались плоды.

Потому-то многие сегодня и прельщаются всевозможными «духовными системами», которые обещают «приобрести благодать в течение одной недели». Или пытаются смешать Православие с йогой и оккультизмом, чтобы поскорее «продвинуться» в духовный мир и избавиться от того-то... (например, пьянства) и приобрести то-то... (например, «бесстрастие» или «ясновидение»)[9].

Молитва и жизнь – одно

– Существует довольно распространенное мнение, что молитва – это одно, а жизнь – это совсем другое. К молитве можно отнести церковные службы, келейное правило и т. п. Все же остальное время занимает «просто жизнь» – работа, отдых, домашние заботы, личные интересы и т. д. Таким образом, наше земное бытие составляется из чередования молитвы и обычной человеческой жизни. Правильно ли это?

– Преподобный Марк Подвижник сказал: «Все то, что мы без молитвы говорим или делаем, бывает впоследствии погрешительно или вредно и обличает нас через дела». Только жаль, что мы редко когда берем это во внимание.

Молитва – это беседа души с Богом, и она должна быть растворена во всем нашем бытии. Во всех скорбях и радостях, во всех печалях и недоумениях, во всех смущениях и преткновениях – везде проникает молитва, т. е. обращенность души к Богу.

Мы должны жить пред Богом и приобретать свойства Христовы

– А разве не существует молитвы «в чистом виде»?

– Возьмем два образа. Вот перед нами птичка. Если понаблюдать за ней, то можно заметить, как она порхает и что делает. Она поет. Некоторое время попела, потом клюет, что она нашла съедобного на земле. Поклевала – смотрит на небо: нет ли там коршуна или другого врага? Потом снова попела, снова поклевала и снова поет. Это – образ начальной молитвы, обозначающий то, что она – молитва – должна переплетаться со всей нашей жизнедеятельностью. А вот второй образ. Когда стемнело, на ветку садится соловей и поет. И так поет, что он уже никого не видит и ничего не слышит...

Этот вопрос, конечно, сложный и многогранный, в двух словах всего не скажешь. В данном случае лучше со вниманием читать то, что уже написано Святыми Отцами о молитве, и применять это в жизни.

А если все же попытаться кратко высказать главную мысль, касающуюся вопроса о молитве – молитва неотделима от жизни просто потому, что **МЫ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ ПРЕД БОГОМ И ПРИОБРЕТАТЬ СВОЙСТВА ХРИСТОВЫ**. И это – очень важный вывод.

Пришлось мне как-то беседовать с одним священником, который побывал на Старом Афоне. Разговор зашел о том, почему сегодняшние монахи – ну, в частности, мы – занимаясь Иисусовой молитвой на протяжении многих лет, не сподобляемся умно-сердечной самодвижной молитвы. Мой собеседник, будучи на Афоне, говорил на эту же тему с Афонскими старцами (причем с известными, достигшими высоких степеней духовности).

И вот мы, беседуя, сошлись с ним на одном мнении – и там он такой вывод сделал, и здесь мы к этому же пришли: Иисусова молитва не прививается к нашим сердцам только потому, что мы не приобретаем свойств Христовых – не преобразуемся в новую тварь. То есть не стараемся быть милостивыми, любвеобильными, кроткими, смиренными, тихими, недостаточно стараемся каяться во всех грехах и все это сопровождать исполнением прочих заповедей Христовых. А первая заповедь: «Покайтесь и веруйте во Евангелие» (Мк. 1:15), – с нее нужно начинать. Затем заповедь: «Блаженны нищие духом», «Блаженны плачущие», «Блаженны кроткие», «Блаженны егда поносят вас» (Мф. 5:3-12) и другие.

Если мы поймем, что мы должны делать, и начнем делать, тогда уже будет успех и в молитве. А поскольку мы этого не исполняем, то и молитва нас временами посещает, дает покаяние, плач, умиление, утешение – и снова уходит. И мы скорбим, унываем, изнемогаем, погружаемся во мрак.

Но еще важно отметить следующее. Когда человек решится начать исполнять заповеди, при этом ему необходимо осознать, что эти заповеди нужны нам не ради самих заповедей, т. е. ради формального, холодного их исполнения. Они нужны нам для того, чтобы мы с их помощью приобретали в чувстве сердца свойства, угодные Богу и спасительные для нас.

К примеру, сказано: «Повинуйтесь друг другу в страхе Божиим» (Еф. 5:21). Это значит, что мы должны с радостью повиноваться друг другу, отсекая свою волю. Не с тем, чтобы угодить человеку: «Ну ладно, раз уж ты сказал – сделаю, чтобы потом не было последствий» – нет. Мы должны стараться навикнуть отсечению своей воли пред ближним, чтобы приобрести свойство Христа, который был послушен Богу-Отцу даже до смерти, и тем самым избавиться от свойства ветхого человека, воспринятого нами от праотца Адама, который не послушался Бога, а послушался сатаны, взяв плод с запрещенного дерева.

Также, когда нас оскорбляют, делают нам какую-то неприятность, мы должны с радостью прощать обидчику, чтобы усвоить себе дух всепрощения.

Если мы видим кого-то в беде, мы должны сострадать ему: «Помоги ему, Господи, вразуми, просвети, помоги ему и телесно, и душевно, чтобы он избавился от сетей вражьих!»

Поступая так в каждом случае, мы будем постепенно совлекаться ветхого человека и облекаться в нового, творя всякое доброе дело пред Богом (втайне от людей, насколько это возможно).

Нам нужно понять, насколько важно нам иметь эти свойства.

Когда мы их будем иметь, тогда всякая чужая боль станет нашей, и мы сможем и внимательно молиться, и плакать, и смиряться, и любить – молитва сама будет литься из сердца. И только после этого мы уже сможем взойти к «соловьинной» молитве.

Когда мы говорим себе «я не могу», то делаем этим большую ошибку

– А как быть, если не получается жить благочестиво, по заповедям? Порой вроде бы и видишь, и чувствуешь, и понимаешь, что живешь не так, как надо, но совершенно не можешь справиться с собой. И тогда приходят помыслы: «Такая „правильная“ жизнь доступна только избранным. Я так не могу...»

– Когда мы говорим себе «я не могу», то делаем этим большую ошибку. Попросту говоря – глупость. Нужно понять тот факт, что сами мы не можем спастись. Мы не можем совершить какую-либо добродетель сами, потому что Господь сказал: «Всяк сад, иже не насадил Отец Мой Небесный, искоренится» (Мф. 15:13). И: «Без Мене не можете творити ничесоже [т. е. ничего благого]» (Ин. 15:5). Всякий сад, т. е. всякое дело, которое не совершается благодатью Божией, не годится для Царствия Божия.

И потому, чтобы нам приобрести свойства Христовы, нам нужно понять, что они усваиваются в нас только благодатью Святого Духа (при совместном содействии нашей воли). Именно тогда совершается нами какая-то добродетель, т. е. проявляется в нас благое свойство, подобное в какой-то степени Христову (в чувствах, мыслях, расположениях) – как и апостол говорит, что в нас «должны быть те же чувствования, какие во Христе Иисусе» (Флп. 2:5).

Дело спасительного преобразования совершается так. Мы прочитали какую-либо заповедь, допустим: «Прощайте». И вот мы вроде бы пытаемся простить нашему обидчику. Но внутри у нас все кипит: «Нет, я не могу простить ему! Сказал „не могу“, значит, не могу – и все!» В этом случае зло (как свойство) в нас так и остается и укореняет в душе страсти злопамятства и ненависти. А «всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть» (1 Ин. 3:15). Если же мы

Беседа о молитве filosofff.org

начинаем делать это доброе дело и, видя свою немощь, просим: «Господи, я вижу, что я не могу, но надо же это делать по заповеди Твоей, помоги мне!», – то Господь дает Свою благодать.

Мы, понимая необходимость дела, начинаем делать его своей свободной волей, осознаем свою немощь (что сами мы не можем этого сделать), смиряемся, но продолжаем понуждать себя и просим помощи благодати Святого Духа. Господь же, видя наше произвольное начинание, подает нам благодать, и она завершает начатое дело. Таким образом, в нас насаждается древо благодатного сада – мы приобретаем свойство прощать. И потом мы уже прощаем с радостью. А после этого мы уже сможем молиться за своих врагов: «Не постави им это во грех», – и, таким образом, еще одно деревце насаждается в нас при помощи нашего старания и помощи благодати Святого Духа.

Также возвращаются и другие свойства: милосердие, кротость, воздержание и прочие. Ведь не Богу все это нужно (чтобы было в нас, к примеру, воздержание), а нужно нам самим. Нужно, чтобы мы приобрели такое свойство: чтобы, видя что-то соблазнительное, мы умели воздерживаться, зная, что это греховно и не угодно Богу.

– Но одно дело, если я просто думаю, что «я не могу, наверное, это сделать». А если я чувствую, что что-то конкретное я не могу исполнить? Ну, просто не хватает сил...

– Здесь нужно рассудить, по какой причине это происходит: от телесного естества или же от диавольского искушения. А потом уже решать. Если это, действительно, физическая болезнь, то можно дать телу отдых, поскольку все должно делаться с рассуждением меры. А если совесть подсказывает, что это душевная немощь, то нужно просить у Господа помощи: «Господи, помоги мне, укрепи мою слабую волю противостоять этому искушению», – к примеру, лени, нерадению, расслаблению при утреннем подъеме.

Бывали и со мной такие случаи. Когда мне нужно подняться рано, а я после путешествия устал, то на будильник я уже не надеюсь, а просто молюсь: «Господи, помоги мне, Ангел-хранитель, разбуди меня в 5 часов – нужно мне встать. Знаю, что я устал, и спать буду крепко». Звонок прозвонил, и я думаю: «Да, да, надо вставать», – и снова уснул. Но поскольку я же просил Ангела-хранителя, вдруг начинается судорога в ноге (пальцы ступни сводит). Ищу, куда бы придавить, чтобы судорога отпустила. Пока давил, проснулся. Но опять засыпаю, а нужно вставать... И снова начинается судорога: уже икры схватила! Ой!.. Я давил-давил, а она все выше и выше. Ну, все. Тогда уже схватываюсь за булавку, начинаю колоть ногу. Потом думаю: «Слава Тебе, Господи, что хотя вот так Ангел-хранитель поднял меня, лодыря». Да, я не могу, но я попросил Ангела, и он меня поднял таким способом. А если бы не просил? Проспал бы, надеясь на себя, что встану. И таких случаев было очень много. Вот так и начинается наша борьба со своей страстью.

– А если, например, в храме бывает много народа (порой – малоцерковного), который постоянно суетится, движется туда-сюда во время службы, и этой «толкотней» выводит меня из себя – как быть? Как воспитывать в себе этом случае мирное устройство души? Это кажется каким-то непреодолимо-сложным «не могу».

– Нужно подумать: а что будет со мной, если я с этим свойством отойду в вечность? Что тогда будет со мной, если я сейчас не могу терпеть ближних? Где я обрящусь? Куда меня посадят, в какую каталажку закроют, если я не люблю тех, за которых умер Христос – тех, кого Он искупил Своею Честною Кровию, которых Он терпит, а я не терплю?

– Не помогает...

– Значит, нужно усилить молитву об этом: «Господи, изведи меня из этого окамененного нечувствия, моего омрачения, братоненавистничества, нетерпения и т. д., из моего бедственного состояния!» А самому, наоборот, стоять с этими людьми и терпеть, понуждая себя находиться в таком обществе. Но в то

Беседа о молитве filosofff.org

же время вопиять: «Господи, помоги мне любить, помоги мне прощать, помоги мне сострадать немощам ближних! Если Ты мое безумие терпишь, то научи и меня терпеть хотя бы эту маленькую немощь моих ближних!» И стоять, и вопиять так внутренне, и терпеть. И если будешь так делать, ну, хотя бы недели 2–3, то, думается, эта твоя «аллергия» пройдет с Божией помощью. Но только делать это надо, надеясь не на себя, а на помощь Божию. Господь поможет. Потому что сказано: «Просите, и дастся вам» (Мф. 7:7). А мы ведь как обычно делаем? Мы же не просим, надеемся на себя: «Я не могу – пробовал, а не получается! Значит, нужно убежать мне от них – и все». И таким образом мы остаемся со своей немощью, со своим дьявольским свойством братоненавистничества. А всякий ненавидящий брата – человекоубийца есть. А всякий человекоубийца не имеет жизни вечной. Вот чем это кончается.

Бог нам хочет больше дать, нежели мы можем принять

Нам нужно понять очень простую вещь: наша жизнь дана нам только для того, чтобы приготовить себя к вечности. И если мы себя здесь не приготовим, там будем вечно плакать, пеняя на самих себя. Нужно понять, что Бог нам хочет больше дать, нежели мы можем принять. Но только Он не может нам дать потому, что мы этот дар не можем употребить себе во благо, во спасение, в вечную радость и блаженство. Ведь родители не дают ребенку, скажем, нож, топор или пистолет, потому что он употребит их во вред себе и другим. А после того, как этот ребенок вырастет, ему уже доверяют такие предметы, и он употребляет их во благо (становясь врачом, строителем или военным).

И вот, действительно, если человек не приготовит себя для вечности, не приобретет свойств Христовых, то он не сможет там принять дара благодати. Нужно понять это, ощутить сердцем, душой, что так просто и в то же время так страшно: БОГ НАМ ХОЧЕТ БОЛЬШЕ ДАТЬ, НЕЖЕЛИ МЫ МОЖЕМ ПРИНЯТЬ. А мы не уготовляем себя к этому, потому и не можем принять от Бога дара благодати.

И самое частое препятствие на этом пути – наша склонность к самопревозношению и унижению ближних. Пока мы от этих страстей не освободимся, мы не сможем принять и сохранить какие-либо дары благодати. (Потому-то Церковь во время Великого поста учит нас молиться и просить: «Даждь ми, Господи, зрети моя прегрешения и не осудати брата моего!»)

Пока у нас еще есть время земной жизни, мы должны каяться, очищаться от всех своих греховных склонностей и приобретать свойства Христовы, т. е. добродетели. Если мы такие свойства приобретем, то благо нам будет – мы сделаемся жизнеспособными к будущей жизни в Царствии Небесном.

Вот такое, до очевидности, серьезное дело. И, действительно, Страшный Суд страшен будет именно потому, что мы сами себя осудим. Осознав всю действительную реальность вечности, мы увидим, какую мы сделали непоправимую ошибку. И тогда мы не сможем сказать: «Прости, Господи». Потому что увидим, какие мы сделались негодные для того звания, к которому Господь нас призвал: мы не стали сынами Божиими, а своими страстями уподобились скотам, зверям и бесам. И нам останется только вечно плакать и скрежетать зубами: «Какой же я был дурак!.. как безрассудно я прожил земную жизнь!.. И не позаботился хотя бы немножко приобрести свойства Христовы...»

О страхе Божиим

– А может ли человек, когда молится, испытывать страх перед величием Божиим?

– Если кто имеет страх перед величием Божиим, так это самое нужное для человека. Если кто хочет в краткое время приобрести настоящую живую молитву, тот должен молиться именно с таким страхом, чтобы «по спине мороз ходил», т. е. чтобы стоять пред Богом, как пред Судией, приговор которого мы вот-вот услышим в бесконечную вечность. (Но иногда бывает чувство благоговейного страха – от осознания величия Божия и своего ничтожества).

Если так будем действовать, мы быстро научимся молиться. А если мы стоим, лишь бы вычитать количество, или кто побыстрее кафизму прочитает, тот и

лучший чтец, то – увы! увы! – это плача достойная молитва. Ибо по слову преподобного Симеона Нового Богослова «нет большего греха, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения» (Слово 9).

О духовном возрасте, внимании, терпении и мужестве

– А молитва слышится Богом только такая, которая исходит от сердца? Молитва, «формально» произносимая, уже совсем бесполезна?

– Дело в том, что Господь знает, кто эту молитву произносит. Принимается молитва в соответствии с тем духовным уровнем, на котором человек находится. Если, допустим, он новоначальный, только два-три раза зашел в храм – он-то и «Отче наш» едва прочитает (может, даже и все слова, написанные там, исковеркает). Но, тем не менее, эта его молитва принимается Богом, потому что человек только-только обращается – он младенец. Ведь младенец не может научиться сразу ясно говорить – от него никто и не требует, чтобы он сразу правильно произносил все слова, а радуются тому, что он хоть что-то сказал. Так же и в молитве. Если по своему духовному уровню человек неспособен на большее, следовательно, его молитва принимается такой, какая она есть.

А если человек уже может молиться более-менее чисто, но не молится – это вменяется ему в нерадение (потому что он не понуждает себя на делание, какое он может принести Богу по своему духовному уровню, но не приносит).

Однако смущаться неумением молиться не нужно. Ступени обучения (чистой молитве) мы проходим в процессе самой молитвы[10].

Скажем, начали мы читать правило. «Отче наш» прочитали рассеянно. Потом немного настроились, «Помилуй мя, Боже» прочли уже более внимательно. А «Достойно есть» прочитали (или спели) со всем усердием, от всей души, зная, что этими словами восхваляется Божия Мать, которая есть наша Мать, Заступница и Ходатаица нам всех благ – и временных, и вечных. И если хотя бы «Достойно есть» мы прочитали с усердием – это уже принимается, как молитва.

– А остальное? То что было прочитано рассеянно?

– То, что было прочитано нами «кое-как», с небрежением, – увы, – «высоко» не поднимется. Из молитвы «принимается» лишь то, что было «чисто»: чему внимал ум и сочувствовало сердце.

Но все это, повторяю, зависит от того духовного уровня, на котором находится человек.

– Как-то раз я спросила у своего духовного отца: «Если заметила, что прочитала молитву невнимательно – перечитывать?» Он ответил: «Нет. Просто скажи: „Господи, прости – замечталась“». Ну, я как-то и успокоилась. А Вы говорите, что если читал или слушал невнимательно, то это «не считается».

Так что же получается: стоял, например, на правиле. Клонит в сон – начинается борьба со сном. Проснулся – ушел мыслями «налево». Вернулся. Тут вдруг вспомнилась какая-то старая обида. «Ах, ты ж... – ведь явно вражий помysel!» – обнаружил, отогнал, с горем пополам собрал внимание. Пока шло «состязание», правило кончилось. Но почти все время шла борьба, и мысли были рассеяны. А рассеянная молитва «не засчитывается». Получается, все впустую. Так что ж теперь: лучше и на правило не ходить, ведь все равно «не молился»?

– Первое, что нужно помнить, читая и слушая эти ответы – все они даны на тот случай, когда человек не имеет духовного руководителя (а жизнь-то идет, и решать вопросы как-то нужно). У послушницы все очень просто: представила все в полном виде своему духовному отцу, и: «как благословите поступать?» Как скажет – так и поступать.

А тем, кому в силу сложившихся жизненных обстоятельств приходится заниматься самоисправлением и самовоспитанием по святоотеческим книгам[11], – Бог в помощь извлечь для себя какую-либо пользу из здесь написанного.

Однако, вернемся к поставленному вопросу: «Так что ж теперь: лучше и на правило не ходить?» – Как это: не ходить на правило?.. – «Ведь все равно „не молился“...» – Зря ты так думаешь.

Один военный человек (назовем его N.), одевшись в парадную форму, шел в полк на праздничное построение. Но неожиданно на улице наткнулся на «кашу», которую заварил старый преступник-рецидивист. С ним N. пришлось вступить в схватку. Дело закончилось благополучно – преступника обезвредили и закрыли. Но... мундир-то потерял свой праздничный вид. Да и на праздничное построение N. поспел только к самому концу. Генерал в начале построения, по причине отсутствия N. в строю, выразил свое негодование. Но, узнав, в чем было дело, переменил гнев на милость, похвалил N. за мужественную борьбу с опытным преступником, и даже повысил его в звании...

Так что и мы не будем унывать и малодушествовать, ежедневно вступая в борьбу с опытным мысленным преступником – ибо Господь любит мужественных борцов.

Да, рассеянная молитва на правиле «не засчитывается» – обманываться не будем. Но «засчитывается» то послушание монастырскому уставу, которое ты оказываешь, идя на правило. «Засчитывается» та борьба с дремотой, которую навевает бес уныния (а борьба с унынием доставляет самые большие венцы). «Засчитывается» борьба с «левыми» помыслами (и, кроме того, приобретает искусство в мысленной брани, что для нас жизненно необходимо). «Засчитывается» борьба со всеми страстями, какие возбуждает в нас диавол во время молитвы. В частности, победив в себе злопамятность и проотив обидчику, ты сама сподобляешься прощения от Господа своих грехов, которыми оскорбила Бога и ближних.

И вот, понуждая себя на все это, ты «с горем пополам собрала внимание». Смирившись, видя свою немощь, но и понуждая себя на благое дело чистой молитвы, ты стоишь пред Ним в благоговении и страхе, прося Его милости – дабы Он помог тебе в этой трудной борьбе с собой и сатаной... Такие нуждницы восхищают Царствие Небесное (ср.: Мф. 11:12).

А ты думаешь: если рассеянная молитва «не засчитывается», то, может, и на правило не ходить – все равно впустую... Как видишь – вовсе не впустую.

Некоторые задачи для современных христиан

– Что делать в ситуациях, когда никакие вразумительные доводы «молиться благоговейно и внимательно» не помогают? Как себя настроить?

Например. К вечеру очень устала: целый день на послушании, да еще папа приезжал. И получилось так, что время перерыва в работе, которое я обычно трачу на чтение келейного правила, я потратила на папу. В результате все правило осталось на вечер.

Начинаю читать молитвы и такое настроение – хоть плачь: я устала, я хочу спать. Я понимаю, что это грех (что я так читаю почти с раздражением), но ничего не могу поделать. Грех так читать и грех бросить, а читать «по-нормальному» я в данной ситуации не могу. Если бы я была виновата – вовремя не прочитала – мне было бы легче. «Сама виновата», – говорю я себе в подобных случаях, и обычно успокаиваюсь, принимая такую «тяжкую» молитву, как епитимью. А тут знаю, что я просто не смогла вовремя прочитать, потому что не могла же я сказать папе: «Мне некогда, езжай отсюда!» И все. Получилось, что никто не виноват: ни папа, что приехал, ни я, что уделила ему время. Никто. А что делать?

– Как не бывает дыма без огня, так не бывает и сильного побеждения без нашего повода.

...А не сказала ли ты что-нибудь папе? К примеру: «Папа, я за тебя так

молюсь!» В таком случае – после самохвальства – действительно, ничего не помогает (пока не смиришься и не покаешься).

Так что над тем, что «никто не виноват» нужно подумать: что это значит? Интересно: я грешу двойным грехом и – «никто не виноват»! Эврика! Открытие в аскетизме XXI века!

Об унынии

– По какой причине происходит у человека духовное охлаждение к молитве, к духовному деланию – наступает расслабление и безучастие, ничего не хочется делать?

– Как говорит святитель Феофан Затворник, бывает два рода охлаждения. Во-первых, бывает охлаждение воспитательное. В этом случае человек просто проходит духовное «обучение» по ступеням духовного возрастания. Господь дает такому человеку урок, предоставляет практическую возможность проявить свою свободную волю в исполнении духовного делания, которому он перед этим обучался теоретически, читая святоотеческие книги (что «любовь ко Христу испытывается противностями»). В данном случае это испытание – охлаждение.

А другое расслабление и охлаждение бывают наказательные – тогда, когда человек по лености и нерадению свои теоретические познания о пути спасения не воплощает в жизнь, а продолжает жить «как придется».

Наказательное охлаждение бывает и тогда, когда человек кого-то осудит или надмится своим деланием. В этом случае от согрешившего в какой-то степени отступает благодать Святого Духа и человек познает свою немощь: какой он есть на самом деле. Если он думал, что он хороший, что он подвижник, что он делатель, что он преуспевает, и высоко уже поднялся, то тут вдруг видит, что он и нищ, и слеп, и наг, и беден (ср. Откр. 3:17). И что одолевает его холодность к Богу, и леность, и нерадение к духовным деланиям, как и прочих людей, которых он осуждал и над которыми превозносился.

А, следовательно, исходя из этого понятия (что существуют два рода охлаждения), мы должны делать себе выводы. Во-первых, нужно помолиться: «Господи, за что это попущено мне? За какой-то грех? Или для того, чтобы я проявил пред Тобою свое усердие и на деле показал, с каким старанием я буду проявлять образ жизни такой, какой угоден Тебе, а не такой, какой угоден моей плоти, моему самолюбию и прочим страстям?» И из этого уже понуждать себя на трудничество: бороться со своими страстями, каяться в том, в чем согрешили и, смирившись до зела и испросив помощи у Бога, стараться все-таки (несмотря на расслабление) упражняться в тех деланиях, в которых мы должны упражняться. У каждого они свои: кому-то не хочется заниматься молитвой, кому-то не хочется исполнять послушание, а третьим не хочется поступать по заповедям (например, непременно хочется отомстить обидчику) – у каждого бывают свои особенности.

– В наше время уныние – наиболее часто встречающееся состояние (в разных степенях у каждого). Насколько оно связано с духовным охлаждением? Как поступать в этом состоянии?

– Действительно, уныние развивается из охлаждения. Сначала человек теряет духовную ревность. А потом, если он не борется с этим охлаждением, не кается, не ищет причину, то впадает в уныние.

Бывают и другие причины.

Например, если человек еще не вступил в самостоятельную борьбу с самим собой, со своими страстями, то в этом случае он не имеет еще духовного образа мыслей и смотрит на жизнь «чисто по-человечески», т. е. плотскими очами. Смотрит и ничего не понимает. И впадает из-за этого в уныние, расслабление, ропот, не зная, что ему делать.

Преподобный Марк Подвижник говорит: «Уклонившись от духовного образа мыслей, ощутишь страдание». Это значит, что наши душевные страдания (в том

числе и уныние) возникают оттого, что мы не заботимся о стяжании духовных понятий – не смотрим на события своей жизни духовно.

Ну, скажем, нас оскорбили. Мы сразу же обижаемся, думаем: «Вот, я почитал его, как порядочного, а он смотри, что сделал!» А не думаем по-духовному, что «это Промысл Божий устроил так, что мне в этом мире нужно что-то потерпеть, кому-то что-то простить, чтобы простились мне мои многие грехи». И это всего лишь один пример. Подобным образом во многих других случаях нужно искать духовный смысл происходящего – тогда и охлаждение теряет силу, и уныние отступает. А если мы живем «как придется», «спустя рукава», «лишь бы день до вечера скоротать», тогда начинает томить нас охлаждение и уныние. Это наказательное уныние – в нем нужно каяться и исправляться.

Духовно более зрелый человек может исследовать, по какой причине постигло его это уныние. А кто еще не имеет опыта, таковому просто нужно понять и запомнить то, что сказали Святые Отцы – за борьбу с унынием Господь дает самые большие венцы. Почему? Да потому что человек в таком состоянии проявляет свою верность и преданность Христу: понуждает себя исполнять все то богоугодное, что в расслабленном состоянии делать не хочется. И за эту борьбу – что человек понуждает себя – Господь дарует ему небесные венцы, ибо сказано: «Нуждницы восхищают Царствие Небесное» (ср. Мф. 11:12).

– Но это понуждение пресекается помыслом, возникающим во время уныния: «Все, что бы ты ни делал, – бесполезно, все – впустую».

– Это дьявольская ложь. Что может быть проще, чем подать стакан холодной воды жаждущему человеку? Но и это не впустую[12]. А за то, что мы не внимаем словам Евангелия, дьявол так легко и обольщает нас своими ложными мыслями.

...Был у меня такой случай. Встретились мы как-то с одним монастырским духовником. Сели в тени виноградной арки и начали беседовать. Вдруг я замечаю, что метрах в двух-трех от нас, около стены, стоит литровая банка с водой, и туда попала ящерица. Плавает, барахтается, хочет вылезти, но не может. Духовник начал серьезный разговор, а я слушаю его и смотрю на эту ящерицу. Думаю: «Продолжать слушать его или пойти выпустить ящерицу? Нет, жалко. Бедная, сколько она там уже барахтается?» Вскликаю и, ничего не говоря, бегу к банке. Конечно, надо было бы извиниться... Духовник так удивленно посмотрел: «Что это, мол, с ним такое случилось, что он вскакивает и куда-то бежит?» Я беру банку, выливаю на газон воду, ящерица выскакивает, и – прыг! – побежала.

Я смотрю на реакцию этого иеромонаха. Что он подумал, конечно, не знаю. Но вижу – нужно объясниться хоть сейчас.

Подхожу, говорю: «Знаете, я посмотрел на эту ящерицу и вспомнил себя. Я ведь, фактически, такой же. Как приходилось замечать: когда попадет жук в стеклянную банку и сидит там тихонько, то думаешь: „А!.. Он, наверно, уже сдох“. И оставляешь его без внимания. А когда этот жук все же барахтается, то думаешь: „Бедный, сколько он там уже барахтается! Надо его вытащить оттуда, он же не вылезет из этой стеклянной банки сам“. Вынимаешь его, выпускаешь на свободу, и он бежит. Так, думаю, и я пред Богом: если я сижу, ничего не делаю в своем нерадении, то я – все равно как этот мертвый жук. А если я хоть что-то делаю, то Господь по милосердию Своему – не по моим делам, а по Своему милосердию, потому что я все-таки барахтаюсь – пожалеет и меня. Ведь если мне жалко жука или ящерицу, то, думаю, Господь пожалеет и меня, и изымет меня из „рова страстей и брения тины“ (Пс. 39:3)».

Нужно запомнить, что нас спасает Господь. Не мы сами возделываем свое спасение, но Господь по Своему милосердию к нам изымает нас из всякой страсти, в том числе и из духа уныния, ЕСЛИ МЫ ПРОЯВЛЯЕМ (СО СВОЕЙ СТОРОНЫ) ДЕЯТЕЛЬНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЕХУ.

фактически, в нашей жизни бывает то, что мы наблюдаем в природе: то солнечный день, то темная ночь. В «солнечный день» нас осиявает благодать, душа радуется, играет, ликует, все кажется веселым, радостным, и все кругом – ангелы. А в другое время покрывает душу тьма и мрак. Человек ни на кого не хочет смотреть, никого не хочет видеть, ни с кем не хочет говорить. Только бы засунуть голову под подушку, и – «не троньте меня». Это ночь в

духовной жизни. И чем усерднее мы с ней боремся, тем быстрее мы освобождаемся Господом от этого мрака.

Нужно понять, и просто знать, что такого, хотя бы кратковременного омрачения, не избегает никто – такие испытания были у каждого Святого Отца. Потому что, как говорит преподобный Исаак Сириин, «кто идет без перемен, тот на волчьем пути», т. е. он попал в прелесть. Если его духовное состояние не изменяется, все время стабильное, без перемен, следовательно, он не на спасительном пути, а на пути заблуждения.

И потому нужно помнить слова апостола Павла, что «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Даже в самые тягостные минуты Господь не отворачивается от нас (как нам это кажется) – в это время испытывается наша верность и преданность Спасителю. И Господь в такие минуты смотрит на нас наиболее внимательно – смотрит, насколько мы Ему верны, насколько мы свои желания предаем в Его Волю и стараемся исполнить то, что Ему угодно.

* * *

Иногда приходилось беседовать с современными молодыми людьми и при этом слышать их жалобы на душевное состояние: нападает такая тягота, такое уныние, такое недовольство жизнью, что «хоть петлю на шею». Недоумевают: от чего это происходит, и что при этом нужно делать, чтобы избавиться от такого тягостного мироощущения? Ну, я, что мог, говорил. Но чувствовал, что я не в состоянии ответить на это более полно, потому что у меня не было такого опыта.

И вот однажды случилось следующее. Пришел я как-то с путешествия весьма уставший и измотанный почти до предела. Отдохнул вечером. Отдохнул утром. Задремал на молитве – одолевала тягота. В общем, много я проспал – выспался досыта. И вот, когда я последний раз проснулся и встал – ощутил такое душевное состояние, какого у меня еще не было. Это трудно выразить словами... Жизнь показалась какой-то мрачной, тяжелой, безытересной, бесцельной, глупой игрушкой... Я ощутил себя (по выражению старца Силуана) «скотиной в человеческом теле».

И тогда я сразу «все понял». Понял, что бывает, когда мы удовлетворяем свои страсти. После того, как мы их удовлетворили и насладились, эти страсти становятся нашими мучителями: находят на нас мрак, уныние, расслабление, тягота – вплоть до того, что «жизнь не в жизнь».

Не напрасно апостол Павел сказал: «Всяк подвизаясь от всех да воздержится» (1 Кор. 9:25). И преподобный Нил Мироточивый говорит: «Храни себя от всего, что нравится». Это значит, что мы, христиане, должны воздерживаться от всего, что не является необходимостью для нашей жизни, а прельщает лишь наши чувства (повкуснее поесть, подольше понежиться в постели и т. п.).

Конечно, это бесполезно говорить сугубо мирским людям – они все равно не примут. Но тот, кто ведет серьезный, внимательный образ жизни, может принять себе к сведению, что нельзя удовлетворять свои прихоти, т. е. страстные желания.

Нам нужно понять, что чем больше мы стремимся к получению всевозможных удовольствий, тем несчастнее мы становимся в реальной жизни – не столько от внешних обстоятельств, сколько от этого своего эгоистичного, сластолюбивого настроения.

А если мы хотя бы немножко боремся со своими страстями – жизнь для нас бывает интересной и содержательной. И хотя мы и не получаем того благодатного утешения, какое получали прежние Святые Отцы, но все равно мы чувствуем к жизни живой интерес. Как говорила в свое время одна матушка – схимонахиня Илария: «Какая духовная жизнь интересная!» Она повторяла это много раз, потому что чувствовала, что духовная жизнь, действительно, интересная...

А сейчас приходится встречаться и с чисто мирскими людьми, и даже с монашествующими, для которых жизнь становится неинтересной, мрачной и серой. И это именно потому, что мы удовлетворяем свои страсти, т. е. делаем то, что нам хочется. И потому становимся «чадами гнева»[13] еще здесь, на

Земле. И это дает нам напоминание, предчувствие, предвкушение того, что ожидает нас там – в вечности.

– Вы привели пример про то, как вдоволь выспались. Непонятно. Вот если человек удовлетворил «настоящую» страсть – водки, например, напился – это понятно: дальше за этим последует наказание. Страсть, действительно, мучает такого человека – его «раздирает», он места себе не находит, голова болит, еще выпить хочется. Ну, или подобные страсти. А если у организма естественная потребность в отдыхе – выспаться досыта хочется? Непонятно, какая в этом-то крамола?

– Да, сон – это естественная потребность. Но Святые Отцы как определяли естественную потребность сна? Когда человек лег, уснул и спит, сколько ему потребуется. Если он проснулся, значит, организм уже ободрился, уже нужно вставать. Ведь раньше будильников не было и часов не было. Спали как: лег, уснул. Проснулся – значит, нужно вставать. Он удовлетворил естественную потребность.

Но если он ложится, поспал, сколько надо, проснулся, на другую сторону перевернулся: «Ну, хоть время уже вставать – да ладно, я еще немножко посплю». Повернулся – еще немножко... повернулся – еще немножко. И уже спать не хочется, а он все: «Да я еще немножко полежу, подумаю: что вчера мне снилось, что сегодня приснилось...», – просто хочется понежиться в постели. А это уже есть удовлетворение страсти (так называемое ласкосердство). И за то, что мы понежились, понаслаждались, мы получим в дальнейшем расплату – эта страсть-сласть превратится нам в мучителя, и будет мучить нас. Вот такая разница между естественной потребностью и удовлетворением своей страсти.

– Но как правильно разобраться с дисциплиной сна? Раньше ведь люди были здоровые: заснули вечером и проснулись утром. А сейчас почти все люди больные. Они двадцать раз за ночь проснутся, перевернутся. Сна нет, из-за этого – сбой режима. Как здесь рассудить? Заснул, через полчаса проснулся – понятно же, что это не его норма сна: полчаса.

– Я не говорю о болезнях, я говорю о здоровом человеке.

– Да ведь сейчас, практически, нет здоровых людей!..

– Если человек серьезно будет определять себя, как больного, то он будет искать врачевания: и духовного, и телесного[14].

Ну, скажем, если человек не засыпает и если он не принимает, к примеру, элениум или что-то подобное – он может принимать просто ложку меда. Если ложку меда принял, то через полчаса его естественно клонит в сон. И если он будет это соблюдать, то будет более глубоко спать.

– Да уж ничего подобного! Мне и пять ложек не помогают. И знаю людей, которым порой не помогают даже таблетки. И при всем том такие люди считаются «здоровыми», потому что кому-то еще хуже. Сейчас жизнь диктует людям совсем иные, чем раньше, нормы.

– В том-то и дело, что дух противления делает душу тревожной, немирной и отгоняет здоровый сон. Помогает одна ложка, а не пять.

А от химиотерапии – лечения таблетками и другими химическими средствами – верующим людям лучше устраняться (или, по крайней мере, хотя бы не увлекаться этим), т. к. многие из медикаментозных средств, увы, могут не производить предназначенного лечебного эффекта, а то и вовсе вредить (подобно, как вредят множество красителей и консервантов). И на превратности современной жизни ссылаться не стоит. Они не могут диктовать нам свои, «иные», нормы жизни, ибо нормы жизни заложены в человеческое естество Творцом. А мир, лежащий во зле, может лишь предлагать – нам свои

(соблазнительные для человеческих страстей) искажения жизни. Но ведь не даром говорят, что «только мертвая рыба плывет по течению» – живая же сопротивляется и плывет против течения. Тем паче верующий человек может не сообразоваться веку сему.

Но если это, действительно, болезнь, следовательно, это не подходит под правило. Болезнь нужно лечить, принимать какие-то соответствующие меры.

А если человек просто выспится днем, потому что на него «напало уныние», а потом ляжет вечером спать, то понятно, что он уже не может уснуть. В голову лезут дурные мысли, потом снятся кошмары. И все из-за чего? Потому что он по внушению демона угождал себе, желаниям своей плоти. А потом эти удовлетворенные страсти начинают мучить и душу, и тело. Потому нужно, чтобы человек разобрался сам или рассудил с более духовным человеком и устранил все те причины, которые приводят его к такому состоянию.

Помню, рассказывал один монах из Почаевской Лавры – отец Афанасий, о котором у нас шла речь выше. Однажды на него напала настоящая бессонница. Весь день трудится на послушании, вроде бы устает, а ложится спать – минут пятнадцать вздремнет и просыпается: сон отошел, спать уже не может...

«Я, – говорит, – лежу-лежу... Мысли разные в голову лезут, воспоминания, ропот. Раз, два, три такое повторилось. Да что же это такое?! Начал молиться: „Господи, грешу ведь, помоги!“ И пришла мысль: „А ты вставай, когда не спишь“. Первый раз было трудно встать: полчаса, как лег – и тут вдруг вставать. Первый раз насильно себя поднял. Второй раз немножко легче. И уже если не сплю, то сам себе говорю: „Не спишь – вставай!“ Встаю и начинаю молиться. Тут враг, конечно: „Да ты что?! Пожалей себя! Как ты будешь завтра на послушании?..“ – и прочее. Но я начал молиться. Чтобы в келии не мешать, выйду в коридор, и хожу тихонечко по коридору, читаю молитву (бывало, что по два-три часа не мог уснуть). И так продолжалось около месяца. Мне даже понравилось: такая хорошая молитва пошла, потому что сон не одолевает. Ведь обычно, когда молишься, особенно вечером, борешься и со сном, и с помыслами. Как бы двойная брань. Враг или в одном, или в другом – в чем-то да уловит. А так сна нет, и только борешься с помыслами: строишься отгонять помыслы, и все – идет чистая, сладкая, приятная молитва. Даже уже и чувствуешь, что начинает клонить в естественный сон, но молитва такая сладкая идет, что не хочется уже и ложиться».

Так о. Афанасий подвизался долгое время. Потом куда-то поехал, сбил свой режим и снова стал спать, как обычно. Тогда он уже и пожалел, что вернулся к нему естественный сон.

Так что, как видим, из каждого положения, из каждого обстоятельства можно сделать для себя душеполезный вывод. И от уныния, и от бессонницы тоже можно получить пользу, если понуждать себя ради Бога трудиться.

– Бытует пословица: «Из двух зол выбирают меньшее». Да и у Святых Отцов есть такое: если найдет на тебя дух уныния, то, в крайнем случае, заверни голову в мантию и спи. Как же Вы говорите: если днем найдет уныние, и ты выспишься, то это приведет к плачевным последствиям?

– Я слушаю и просто удивляюсь: насколько сейчас возрастает и совершенствуется страсть самооправдания. «Заверни голову в мантию» – эту фразу в последнее время мне приходится слышать очень часто. Ее вспоминают и приводят в оправдание своей лени и нерадения. Но это – обольщение, потому что преподобный Исаак Сирийский говорит не о простом унынии, когда мучает «дурное настроение» из-за того, что не хочется понуждать себя на борьбу со страстями. Это говорится о том состоянии, когда на человека, действительно, находит сильнейшее бесовское наваждение – в основном, тяжелейшая мысленная брань. И такая, о которой преподобный не стал даже писать. Это когда человек еще стоит, но под ногами у него уже – адская пропасть. И эта бесовская брань бывает настолько тяжела, что человек не может ей мысленно сопротивляться. И тогда ему, для того чтобы не продолжать стоять на грани гибели, лучше ложиться и спать. Вот к чему относятся вышеприведенные слова святого отца. Но это очень редко встречающееся в настоящее время искушение.

К тому же должно заметить, что преподобный подчеркивает: не просто клади

Беседа о молитве filosofff.org

голову на подушку и спи, а «заверни голову в мантию», ибо монашеская мантия обозначает благодать, покрывающую монаха. То есть предай себя на волю Божию, не вникая в то мысленное диавольское наваждение, которое тебя охватывает, а лучше ложись и спи. Здесь, действительно, лучше выбрать из двух зол меньшее, потому что это – экстремальные условия духовной брани. В этих случаях лучше спать. Но это не относится к тем случаям, когда нас одолевают страсти лености, нерадения, самолюбия, самоугодия, сластолюбия и прочие. (Что-нибудь сделал и сразу: «Ох, я так много сегодня сделал, надо лечь отдохнуть». Не потому, что он чувствует в этом естественную потребность, а «просто так...» Или, к примеру, кто-то из старших сделал ему замечание или выговор – а он ожидал похвалы и благодарности. Тогда предает свою душу во мрак уныния: махнул на все рукой и с помыслами ропота пошел спать...)

– Но ведь у нас шла речь об унынии, а не о других страстях.

– А за удовлетворением самолюбия, самоугодия и сластолюбия последует и уныние. Именно за то, что удовлетворили какую-либо другую страсть, приходит страсть уныния. И если мы все-таки вступим в борьбу с унынием, значит, благо нам будет – мы еще не до конца побеждены страстями. А если бороться не будем, то попадем в еще большее омрачение. И тогда покатится «снежный ком»... Враг будет вести ко все большему и большему греху – пока человек не опомнится и не обратится к покаянию – от пропасти гибели не встанет на путь самоисправления.

Вот так бывает. А начинается все с благовидных предлогов саможаления и самоугодия. Удовлетворив свою страсть (осознаваемую или не осознаваемую), человек потом начинает от нее страдать. Потому, если мы страдаем, следовательно, мы должны искать причину: какую мы прежде удовлетворили страсть и в чем? И, найдя, каяться. Таким образом, мы избавимся от многих диавольских сетей, в том числе и от уныния.

О молитве за мир

– Можно ли «обычным» грешным людям (т. е. людям, не имеющим каких-то особых духовных даров) молиться за весь мир?

– Все мы, христиане, присутствуем в храме за богослужениями. А там ежедневно совершается молитва «о мире всего мира». И какие бы мы ни были: окаянные, прокаженные, уродливые (в духовном смысле), но мы, если присутствуем в храме, должны живо участвовать в этой молитве. А это уже и есть наше возношение о всем мире, потому что мы прилагаем свою душу в слова молитвы: «Господи, помилуй!»

– Ну, это в храме. А келейно?

– Келейно – это уже каждый должен поступать по требованию своей совести (и в совете с духовником). Если совесть понуждает: «Что же ты молишься только о своих близких? Господь-то промышляет о всем мире», – молиться можно. Но, конечно, смиренно, познавая свое ничтожество и недостойнство.

А если, скажем, человек пытается подвизаться, и у него уже появились какие-то чувства (плач о своих грехах, более внимательная молитва), но если при этом он не сумел пребыть в смиренномудрии и самоосуждении, а незаметно уклонился в самомнение и самоцен[15], то враг непременно уловит его гордыми мыслями о себе. Тогда вполне могут придти помыслы: «О, мне уже надо молиться о всем мире!»

Внушение это надо тщательно исследовать, ибо очень большое значение имеет побудительная причина – первый помысел, когда он засеялся. Если это побуждение пришло хотя бы с малейшим тщеславием или духом превозношения, что «я уже чего-то достиг, потому я теперь уже могу молиться о всем мире», – нужно знать: диавол на этом запнет, будет бить, будет «мутить», и, в конце концов, втолкнет в какую-нибудь яму. Потеряет такой человек и

молитву, и слезы, и все прочее. Поэтому на сугубую келейную молитву за мир необходимо испрашивать благословения духовника, т. к. бывали случаи, когда брались молиться о мире, а потом падали.

– А как можно молиться за всех людей, чтобы это была краткая, но действенная молитва?

– Если кто имеет желание вознести молитву за всех, кто в этом нуждается, то по этому поводу могу привести один поучительный пример из жизни моего духовного брата Д.

Д. говорил, что когда он был еще в миру и только-только начинал молиться Господу, то думал: как можно молиться за ближних? За своих близких – это понятно. А как можно молиться за весь мир? В какой форме? Как это угодно Богу? «Я, – говорит, – начал просить Господа: „Господи, вразуми, помоги“. И вот однажды пришел в храм, стою, молюсь. Служба еще не началась. В это время заходит старушка – такая благоговейная – и прикладывается к иконам. Делает поклон у иконы и говорит: „Помяни, Господи, всех, милости Твоя чающих и Тя призывающих!“ Я послушал-послушал и думаю: какие глубокие слова!»

И действительно – насколько мудро и всеохватывающе это малое прошение: «Помяни, Господи, всех, милости Твоя чающих и Тя призывающих»! Ведь от Господа чают милости все – ну, может быть, кроме тех, кто уже имеет богопротивление и богоборчество в какой-то сознательной форме, более исступленной и безумной. А остальные люди, хотя даже и атеисты, и коммунисты по воспитанию, и прочие заблудшие души – они все-таки внутри себя чают какой-то милости от Бога и временами колеблются при мысли: «Если Бог все-таки есть, то как бы Он помиловал и меня – и здесь, и в вечности, если она все-таки будет». И именно таким прошением – «помяни, Господи, всех тех, кто находится в заблуждении, но все-таки внутри, в своей душе чают какой-то милости от Тебя» – охватываются миллионы и даже миллиарды людей. А, получая Божию милость, они уже начинают приближаться к Богу.

Второй фразой – «и Тя призывающих» – охватываются люди, которые уже познали, что Бог есть, и Его как-то призывают: в большей или в меньшей степени, чаще или реже, в Церкви или даже вне Церкви...

– Как это «вне Церкви»?!

– Хотя такие люди еще и не воцерковились, но все-таки они уже обращаются к Богу. И потому есть надежда, что если они будут искренне к Нему стремиться, то Господь не оставит их ходить во тьме неведения, вне спасительной ограды Церкви, но рано или поздно вразумит и выведет на путь спасения[16].

Таким образом, сим кратким молитвенным прошением охватывается почти весь мир.

Можно ли (и как) молиться за всех, о ком просят?

– Ходят большие разногласия по поводу: молиться или не молиться о людях, которые просят молитвенной помощи за себя и за своих близких? Некоторые отговаривают друг друга от такой молитвы на том основании, что якобы «мы слишком немощны, а нападения слишком сильны», и рассказывают, какие искушения им после этого были. Ведь обычно просят молиться за кого? Один отступил от Церкви, другой – наркоман, третий – алкоголик... И у всех такая скорбь! Люди рассказывают, и скорбишь вместе с ними, а вот помолиться... Иногда начнешь, но боишься, потому что у тебя свои какие-то страсти, свои немощи, свое несовершенство. И не знаешь, как правильно поступить...

– Вся беда в том, что мы забыли, что во всех случаях жизни мы должны руководиться Христовыми заповедями, должны уподобляться Христу. Потому и возникают у нас такие недоумения, смущения, запинания.

Беседа о молитве filosoff.org

Господь сказал: «Просящему у тебе – дай» (Мф. 5:42). Поэтому если даже мы и сознаем себя крайне ничтожными, крайне падшими, крайне немощными, но если уж, действительно, нас кто-то просит: «Помолись за меня!», – нужно сказать: «Господь Бог да помилует нас обоих». Это значит, что мы не ставим себя выше его (что мы вроде бы лучше его). А «помяни, Господи...» можно и вслух, можно и молча (про себя) сказать. Можно помолиться так: «Господи, помоги рабу Твоему... (или рабе Твоей...) и святыми его молитвами и меня окаянного помилуй!» Вот и все – в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Хотя бы даже так сказать – мысленно или вслух, но нельзя вовсе отринуть этого прошения, потому что мы не знаем скорби и веры просящего.

В данном случае мы должны поступить по заповеди: «Просящему у тебя – дай» (Мф. 5:42). Ведь, по слову Священного Писания, какой мерой будем мерить мы сами, такой возмерят и нам[17]. Если мы не ответим сердечным состраданием на скорбь нашего ближнего, не возопием ко Господу хотя бы краткой молитвой, то когда у нас случится скорбь, и мы будем кого-то о чем-то просить, нас тоже не послушают.

Так что это нужно запомнить раз и навсегда. А уже братья кого-то «тянуть», вымаливать – это совсем другое дело. Чтобы начать вымаливать конкретного человека с конкретной страстью (например, со страстью неверия или пьянства) – для этого нужно взять благословение у духовника, который нас знает и может дать совет, как нам подобает поступить в данном случае и как мы должны молиться. Тогда уже будет покрывать благодать благословения на это дело.

Нужно еще сказать, что очень большая проблема в этом отношении возникает у нас от неправильного образа мыслей. Мы обычно думаем, что мы кого-то вымаливаем. А ведь не мы вымаливаем этого человека, но Господь его спасает, как и нас. Распявшись за всех, Господь взял на Себя грехи всего мира – начиная от Адама и кончая последним человеком, который будет жить на Земле. Грехи всего мира уже искуплены Кровию Христовой. И потому не мы вымаливаем, не мы вытаскиваем, не мы этому человеку помогаем, а Христос помогает, извлекает его из рва страстей и спасает. Мы же только – как соучастники Христовы в деле извлечения этой души. И если мы испытываем какое-то бесовское наваждение, то это по причине, что Господь дает нам немножко ощутить это соучастие. И в этом – проявление нашей любви ко Христу и к человеку.

Мы же этого не понимаем и не хотим ничего такого понести, и потому как бы отделяемся от Тела Христова (ибо Церковь есть мистическое Тело Христово: Христос – глава, а мы все – члены). Христос ради любви к роду человеческому взял на Себя грехи всего мира, понес всю их тяжесть, а мы не хотим понести даже и малого. Хотя это – лишь ничтожное обозначение той тяжести... Очень редко Господь попускает нам это... А если и попускает чуть-чуть, то для того, чтобы мы поняли, что и мы должны принять участие в Христовых трудах по избавлению этой души от ада преисподнего. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», – сказал Господь (Ин. 15:13). Потому не должно нам ужасаться искушений от бесов или людей – но смиряться, терпеть и молиться, познавая свою немощь и сочувствуя ближним.

Однако, говоря об этом, нужно отметить, что часто такие искушения отнюдь не бывают связаны с молитвой за кого-то. Зачастую мы сами себя искушаем: сами впадаем в какие-то страсти, а думаем, что это произошло потому, что мы за кого-то помолились – вот в чем дело. И это будет 95 % от всех таких случаев[18].

Но иногда, действительно, такое бывает. Особенно, когда идет однообразная жизнь в обычном порядке, и вдруг видишь, чувствуешь, что появилась какая-то брань особого рода. Тогда уже идешь, исповедуешься и спрашиваешь: «Как мне быть? Продолжать ли мне молиться за этого человека или оставить на время?» Но это не значит, что оставить совсем. Просто Господь показывает в данном случае: по твоей немощи, для твоего смирения, тебе надо знать, что ты еще сам подобострастен этому человеку. Хотя ты и молишься за него для избавления его от какой-то страсти, но, тем не менее, ты сам немощен и должен понять, что и его, и тебя спасает и несет на Своих плечах только Христос. А не то, что «я сам твердо стою, потому могу вытащить и другого». Нет, никто из нас не устоит, если не будет с нами благодати Святого Духа, если не поможет нам Подвигположник Христос, который победил диавола и все его козни.

Вот именно с этими чувствами – смирением, любовью и состраданием – мы должны относиться к нашим ближним.

По чувству сострадания мы должны молиться за людей даже тогда, когда нас об этом никто и не просит. Скажем, увидели мы в церкви (в монастыре, на улице): кто-то сказал или сделал что-то нехорошее, неподобающее – мы должны помолиться об этом человеке Христу. Я не говорю, что нужно сразу начинать читать за него Псалтирь. Но хотя бы одну фразу сказать, хотя бы один вздох сердечный вознести: «Господи, помоги ему! Избави его от сетей вражиих, имже веси судьбами устрой его спасение, и святыми его молитвами и меня окаянного помилуй!» И это уже будет молитва.

Ведь мы должны понять, что мы – сотелесники Христовы: как и Апостол говорит, что все мы – тело Христово (ср.: Рим. 12:5). Потому нам нельзя оставаться безучастными к страданиям ближних, а нужно как-то им помогать – хотя бы молитвой (если нельзя помочь чем-то другим). Это – наш христианский долг.

Но только чтобы не было самонадеяния – чувства, что «я лучше других, я уже чего-то достиг». Потому что именно за это чаще всего мы и страдаем (Господь попускает, чтобы мы осознали, что мы не лучше других). Только мы этого не осознаем, а думаем, что искушение пришло за что-то другое. А если будем благоразумны, то даже и в этом случае мы просто смиримся, попросим у Господа помощи и избавления – и все. Претерпим это, окажем любовь к ближним, помолимся о них и сами приобретем смирение. И если случится, что сами мы когда-нибудь попадем в какую-то яму, то и за нас кто-то помолится.

А если мы приобретем иное свойство – навыкнем не сострадать нашим ближним, то с нами может получиться так, как было показано в одном видении...

Ангел вытаскивал одну такую самолюбивую душу из ада – ее вымолили родственники. И когда он ее поднимал, за нее начали хвататься другие души. Видя такое дело, самолюбивая душа пришла в негодование, начала кричать и стряхивать с себя тех, кто пытался за нее ухватиться: «А ну отцепитесь! Это меня только вытаскивают, а не вас!» И когда она так отряхивала других, то и сама оборвалась и полетела обратно в адскую пропасть...

Этот случай наглядно показывает нам, что если мы не приобретем сострадания, то мы просто-напросто не сможем попасть в Рай. «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:2). Если мы не будем сострадать ближним, то, следовательно, и сами мы лишимся сострадания – и от людей, и от Бога.

Вот какой это существенный момент в деле нашего спасения. Поэтому каждый человек за время своей земной жизни обязательно должен научиться сострадать подобострастным ему людям. Сострадать с сердечной болью, без унижения, без осуждения, а именно с той мыслью, с тем внутренним настроением своей души, что «Христос пришел на землю грешников спасти ОТ НИХЖЕ ПЕРВЫЙ ЕСМЬ АЗ».

С чего начинается живая молитва?

– С чего начинается живая молитва?

– Молиться от сердца, т. е. искренне и внимательно, мы начинаем тогда, когда находимся в стесненных обстоятельствах, и наших естественных сил не хватает, чтобы выйти из них. Вот тогда-то мы «смиримся до зела» и начинаем вопиять к Богу. С этого начинается наша живая молитва.

В трудных обстоятельствах мы просим, почти даже «требуем»: «Господи, помоги! Ты же видишь, в каком я бедственном положении нахожусь!» И тогда Господь бывает уже как бы «вынужден» прийти к нам на помощь и вытащить нас из этой ямы – не по нашему достоинству и духовному уровню, но потому, что Он – Человеколюбец.

Образно говоря, когда родители покупают ребенку обновку – он в ней бегаёт чистенький, аккуратненький, с чувством: «Вот какой я!» А после того, как он вдруг шлепнется в грязь и измарается в ней – здесь самочувствие у него уже совсем другое: кричит, плачет, бежит к маме... Мать, конечно же, начинает его мыть, переодевать и только потом погладит по головке и утешит.

Вот так получается и у нас: пока мы не осознаем своего смрада, своего непотребства пред Богом, до тех пор не можем очиститься от самодовольства и превозношения. А когда осознаем, тогда начинаем плакать и смиряться. И Господь подает нам Свою милость – слезный покаянный плач, очищение и исправление.

Таким образом, мы уже сподобляемся (если будем благоразумно действовать) какого-то утешения. Не за то, что мы сделали что-то достойное утешения, а за то, что мы, попав в беду, скорбим о нашем бедственном состоянии, скорбим о том, что мы такие нехорошие. И это действительно так. Как сказал священномученик Петр Дамаскин: «Что такое человек? Человек – это есть не что иное, как малое скороисчезающее зловоние». (А другой говорит, что «человек – это звучит гордо» [19], – вот какое разное бывает у людей «само-чувствие»). Или как сказал Пимен Великий: «Я подобен человеку, который погряз в болоте с камнем на шее, и вопиет: „Помилуй мя!“»

Вот ИЗ ЭТОГО состояния мы должны молиться.

Мы не видим своих грехов, не чувствуем их тяжести только потому, что мы бесчувственны. Как человек, находящийся без сознания, не чувствует, в каком положении он находится, так и мы, находясь в окамененном сердечном нечувствии, не видим и не ощущаем своего бедственного душевного состояния. А когда увидим, тогда начинаем молиться, плакать и смиряться по-настоящему. Потому что только ослепление держит нас в таком состоянии.

А чтобы отверзлись наши сердечные очи, Святая Церковь и научает нас молиться словами преподобного Ефрема Сирина: «Господи, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего!»

Что такое покаяние? Что делать, если покаянные молитвы не рожают покаяния? Что такое «сухая молитва» и как избавиться от нечувствия сердца?

– Что такое покаяние?

– Иоанн Лествичник определяет покаяние следующим образом:

«Покаяние есть возобновление крещения.

Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни.

Покаяние есть купля смирения.

Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения.

Покаяние есть помысл самоосуждения и попечения о себе, свободное от внешних попечений.

Покаяние есть дщерь надежды и отвержение отчаяния.

Кающийся есть непосрамленный осужденник.

Покаяние есть примирение с Господом чрез совершение благих дел, противных прежним грехам.

Покаяние есть очищение совести.

Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного.

Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого.

Покаяние есть крепкое утеснение чрева, уязвление души в глубоком чувстве».

(«Лествица», Слово 5:1).

– Ну, а что делать, если мы не имеем ни покаяния, ни правильного (т. е. духовного) образа мыслей?

– Тогда об этом нужно молиться: «Научи меня, Господи, каяться! Научи исправляться! Научи творить Твою Святую Волю, а не мою!»

Однако первое, с чем мы столкнемся при таком образе действий – это то, что молитва наша негодная: рассеянная, бесчувственная. Читаем, например, псалом 50-й, а получается, что только название у него «покаянный», а покаяния-то в душе нет. Молитва, данная нам Самим Господом нашим Иисусом Христом – «Отче наш» – тоже читается «кое-как», без полного осознания. Также и «Богородице, Дево, радуйся», и другие важнейшие молитвы, не говоря уж обо всем остальном. Что же тогда делать?

Как говорит преподобный Исаак Сирин: «Если хочешь насладиться псалмопением, тогда совершенно отставь в сторону количество, а говори слова псалмов как от себя. Молись из своего состояния, в котором ты находишься в данный момент». «Положи пред собою твоего мертвеца и вопий ко Господу, оплакивая его», – сказал некто из Отцов.

Конечно, сразу же встает вопрос: а как это сделать, если к тому нет никакого навыка?

Прежде молитвы мы должны подготовиться к молитве. Каждый это делает по-своему. А тому человеку, который этому еще не научился, будет полезно представить себе, что он находится в опасных жизненных обстоятельствах (к примеру, ему сейчас предстоит опасный вылет с аэродрома в районе военных действий или в бушующую непогоду). И вот сейчас он заходит в телефонную кабинку для, может быть, последней беседы с самым дорогим человеком, и хочет о чем-то его попросить – о самом важном для себя...

С таким настроением, на минутку отбросив и забыв все суетное, в уши Божии он говорит:

Отче наш – подразумевая то, что Господь, как самый любвеобильный Отец, заботится и промышляет обо всех нас.

Иже еси на небесех – понимая Его надмирность, что Он – Вездесущий и Всемогуший, Всепремудрый и Всеблагий. И если мы имеем такого Отца, то нам нечего бояться и смущаться, а только усерднее нужно призывать Его на помощь.

Да святится имя Твое – дополняя мысленно это изречение словами «в сердце моем, дабы я с верой, страхом и любовью произносил его», – с осознанием того, что если Бог в нас, то кого убоимся?

Да придет Царствие Твое – дополняя мысленно «в душу мою», – с осознанием, что это нам необходимо для того, чтобы преобразоваться в новую тварь (т. е. творение Божие), обновиться Духом Святым и научиться жить чисто и богоугодно.

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли – дополняя мысленно «во всем существе моем (дабы я сопротивлялся страстям моим и исполнял заповеди Твои), а также во всех внешних обстоятельствах моих», – с осознанием своей всецелой преданности в Благоую Волю Божию, как слышим в храме на ектениях: «...сами себе и друг друга и весь живот наш [жизнь временную и вечную] Христу Богу предадим». То есть всю нашу жизнь, со всеми ее обстоятельствами, со всеми радостями и скорбями, мы предаем в Святую волю Божию. Да будет во всем так, как Он хочет.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь – дополняя мысленно «и оживи душу мою, ибо только Духом Святым всяка душа живится», – с осознанием того, что если мы, по заповеди, прежде всего будем искать Царствия Небесного внутри нас, то все остальное – потребное нам для тела – приложится Промыслом Божиим.

И остави нам долги наша – дополняя мысленно «все ведомые и неведомые», – с осознанием, что мы просим простить нам все грехи от раннего детства до настоящего часа. И не только грехи, но и долги, т. е. потерю различных даров Божиих (телесных и духовных).

Якоже и мы оставляем должником нашим – дополняя мысленно «всем все без исключения», – с осознанием того, что мы прощаем всем нашим обидчикам все

самое оскорбительное, чтобы и нам Бог простил самые неудобопростительные грехи. Также радуемся тому, что у нас имеются случаи кому-то что-то простить и таким, самым легким образом, получить (исходатайствовать себе) прощение своих собственных грехов.

И не введи нас во искушение – дополняя мысленно «от борющихся нас бесов и страстей», – с осознанием того, что вся наша жизнь – это непрерывная цепь искушений (т. е. испытаний) и борений, ибо мы постоянно стоим перед выбором между добром и злом; между тем, что угодно Богу, и тем, что угодно бесам и нашим страстям.

Но избави нас от лукаваго – дополняя мысленно «и всех ведомых и неведомых обольщений и ловлений его», – с осознанием того, что мы постоянно прельщаемся лукавыми уловками демонов, впадая в различные грехи.

Яко Твое есть Царствие, и сила, и слава во веки. Аминь. – Некоторые духовники благословляют так заканчивать молитву «Отче наш». Эта концовка не приравнивается к священническому возгласу (и потому не восхищает священнического достоинства). Однако, ради того, что она несет в себе важный духовный смысл, желающие могут ее читать.

Это – славословие надмирного Царствия Божия, которое, несмотря на его надмирность, мы устроаем и прославляем сегодня, сейчас, на этой Земле в своих душах.

Читая таким образом молитву, нужно постараться как можно глубже проникнуть в смысл и значение каждого произносимого прошения.

В кратком варианте «расширенное восприятие» слов молитвы «Отче наш» выглядит так [20]:

«ОТЧЕ НАШ...»

Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое (в сердце моем),

да придет Царствие Твое (в душу мою),

да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли (во всем существе моем и во всех внешних обстоятельствах моих).

Хлеб наш насущный даждь нам днесь (и оживи душу мою, ибо только Духом Святым всяка душа живится);

и остави нам долги наша (все ведомые и неведомые),

якоже и мы оставляем должником нашим (всем все без исключения);

и не введи нас во искушение (от борющихся нас бесов и страстей),

но избави нас от лукаваго (и всех ведомых и неведомых обольщений и ловлений его).

Яко Твое есть Царствие, и сила, и слава во веки. Аминь.

Таким же образом можно читать и другие молитвы, например, «Богородице, Дево, радуйся».

«БОГОРОДИЦЕ ДЕВО, РАДУЙСЯ...»

Богородице Дево, радуйся (наисовершеннейшею радостью),

Благодатная Марие, (яко) Господь с Тобою (мне же даруй плач о грехах моих, яко удалихся от Христа);

Благословенна Ты в женах (от всех родов земных),

и Благословен Плод чрева Твоего (во вся веки),

яко Спаса родила еси душ наших (Тем же [т. е. Сыном Твоим и Спасом нашим] спаси души наша).

А вот один из образцов расширенного восприятия кающимся грешником слов покаянного 50-го псалма.

50-й псалом был написан царем и пророком Давидом после того, как он совершил два смертных греха (блуд и убийство), но потом осознал их и начал в них каяться (См. 2 кн. Царств, гл. 11-12).

Святой праведный Иоанн Кронштадский советует чаще со вниманием читать 50-й псалом, как покаянную молитву. И для того, чтобы этот псалом действительно был таковым (т. е. покаянным), молящемуся нужно осмыслить каждую его фразу.

ПСАЛОМ 50

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей (а не по делам моим),

и по множеству щедрот Твоих очисти Беззаконие мое (.....[21]).

Наипаче омый мя от Беззакония моего (....[22])

и от греха моего (тайного и мысленного) очисти мя:

яко Беззаконие мое аз знаю (и то токмо отчасти),

и грех мой предо мною есть выну (постоянно прилагая грех ко греху).

Тебе Единому согреших (....[23], самой негодной молитвой Твое величие оскорбих),

и лукавое пред Тобою сотворих (и всех ближних соблазних):

яко да оправдишия во словесех Твоих, и победиши, внегда судити Ти.

Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя (аз же безумно надмеваюсь самодовольством и унижаю ближних моих).

Се бо истину возлюбил еси (аз же ложь есмь пред Тобою),

безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси (но Твоих повелений я в жизни не исполнил).

Окропиши мя иссопом (слез моих), и очищуся (от грехолюбия),

омыеши мя (Кровию Агнчей[24]), и паче снега убелюся.

Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренныя (егда очистиши мя от грехов моих).

Отврати лице Твое от грех моих (на Суде Твоем),

и вся беззакония моя очисти (прежде смерти).

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей (дабы я не прилагал грех ко греху).

Не отвержи мене от лица Твоего (на Суде Твоем),

и Духа Твоего Святаго не отыми от мене (в житии сем никогдаже).

Воздаждь ми радость спасения Твоего (прежде смерти моей)

и Духом Владычним утверди мя (на пути спасения).

Научу беззаконныя (чувства мои) путем Твоим,

и нечестивии (пожелания мои от временных пристрастий) к Тебе обратятся.

Избави мя от кровей (убийства и убийственных соблазнов[25]), Боже, Боже спасения моего:

возрадуется язык мой правде Твоей (егда научиши мя ей).

Господи, устне мои (сердечные) отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою (в непрестанной молитве и покаянии).

Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен (аз же и сего не имам, темже благодатию Твоею сокруши и смири гордую душу мою),

сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (по любви и снисхождению Его к нам):

Ублажи, Господи, (благодатию Твоею душу мою) благоволением Твоим Сиона[26]

и да созиждутся (вокруг души моя) стены Иерусалимския.

Тогда (в священном мире[27]) благоволиши жертву правды (приятъ), возношение (во хвале Твоей) и всесожгаемая (в горячих покаянных чувствах):

тогда возложат на алтарь Твой тельцы (благоприятных Тебе жертв покаяния и исправления).

* * *

Как мы уже сказали прежде, расширенное восприятие «прорабатывается» человеком заранее: тогда, когда он уготовляет себя к молитве. В дальнейшем заостряющие внимание вставки будут только напоминать о прежде усвоенном понимании читаемых слов.

Нужно правильно понять: «расширенное восприятие» не является толкованием, оно лишь – как вспомогательное средство для осмысленного чтения псалмов и молитв (ради нашей немощи). Смысл этого обучающего способа – не в самих изречениях. Он заключается в том, чтобы сознательно, действительно, с живым чувством, привязать нашу мысль к произносимым словам.

Вставки читаются мысленно и вначале их можно употреблять не все, а только несколько по расположению души.

– Возникает недоумение. Чем отличается «расширенное восприятие» от католического метода молитвы? К примеру, у одного католического писателя есть такое руководство к духовной жизни: «Рекомендуется представить себе, как три Божественные Ипостаси взирали на мир, переполненный людьми, и как, видя, что все идет в ад, постановили в Своей вечности, чтобы Второе Лицо вочеловечилось для спасения человеческого рода. Рекомендуется вообразить все огромное пространство Земли...» Далее: «Рекомендуется обозреть путь от Назарета до Вифлеема, представляя себе его долину...» и т. д., «видеть участвующие лица: Святую Деву, Иосифа, служанку, Младенца Иисуса... После чего я подумаю обо всех этих словах, чтобы извлечь из них для себя некий плод». При этом нужно «вкусать и обонять бесконечную благодать и сладость Божества, дотрагиваться мысленным прикосновением, например, обнимать и целовать те места, на которых эти Лица пребывали, всегда стараясь получить от этого какой-нибудь духовный плод», – и так далее. И в чем же здесь разница?

– А разница здесь вот в чем. У нас идет речь о духовном бедствии нашего времени, которое преподобный Нил Афонский Мироточивый определил так: «Губите спасение свое невниманием вашим».

Почему мы без благоговения, без должного внимания и страха Божиего

произносим молитвы? Потому что мы не осознаем, какие многозначные слова мы произносим.

Заблуждение же католического пути состоит в том, что их учение, во-первых, предоставляет полный произвол человеческой фантазии вымышлять картины, события, людей, действия, слова и т. д. А во-вторых, – что наиболее страшно и глубоко прельстительно – рекомендует «вкушать и обонять бесконечную благодать и сладость Божества». Вот в чем глубина заблуждения, вот в чем прельщение и пагуба: они, НЕ обоняя, НЕ вкушая и НЕ общаясь с Богом, представляют себе, что они вкушают и обоняют бесконечную благодать и сладость Божества. Они «дотрагиваются мысленным прикосновением» до мест, «на которых Эти Лица пребывали» и т. д. Что это значит? Это значит, что они предают себя в полную власть иллюзий, фантазий, обмана, лжи. И потому дьявольские духи приобретают над такими людьми полную власть.

А подумать о том, что мы произносим в молитве, мы должны, как сказано в Писании: «Прежде молитвы уготовися и не буди, якоже искушаяй Бога». Об этом говорят и Святые Отцы: в частности, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник. У святителя Феофана Затворника имеется целый ряд поучений на эту тему. К примеру, он говорит так: «Возьми 103-й псалом и внимательно разбери каждое его изречение. Даже если у тебя уйдет на разборку этого псалма все время, предназначенное тебе для совершения вечерни, скажем, час, ты со спокойной совестью закрой книгу, потому что час ты уже промолвил. А на следующий день продолжай дальше. Разбирай осмысленно каждую фразу, которую ты произносишь, совершая последование вечерни. Таким же образом нужно осмыслить и прочие молитвы...» [28]

Мы, люди, существа умные. И, как учат нас Святые Отцы, умом мы или приближаемся к Богу и бываем в единении с Ним, или удаляемся от Бога и бываем пленяемы сатаной. Так что мы обязательно должны думать о том, что мы произносим (но не мечтать и не воображать, подобно католикам).

Слова-вставки «расширенного восприятия» – это личное приспособление слов молитвы для живого осознания произносимого, ибо слова молитвы воспринимаются нами живо тогда, когда мы приносим Богу свою, а не чью-то чужую молитву.

– А сравнение с условиями «аэродрома»?

– Это всего лишь «пособие», предназначенное для правильной «настройки» души. Собственно к молитве оно не имеет никакого отношения.

Об иисусовой молитве

– Читаю молитву Иисусову, но она какая-то «сухая» и мало действует на мое бесчувственное сердце. Получается, что только «перебираю четки». Что делать?

– В таком случае некоторые советуют читать молитву по десяткам. Прочитал десять молитв и спрашиваешь себя: «Ну, как прочитал?»

Внимательно или невнимательно? Благоговейно или неблагоговейно? С покаянием или без покаяния?» И тут же каешься: «Прости меня, Господи, бесчувственного, безпокаянного, рассеянного!»

Читаешь следующий десяток. Вспомнил о своей лени, чревоугодии или ропоте на кого-то или что-то – опять каешься.

И хотя эта молитва не совсем чистая, но зато она – живая.

Если в таком делании человек будет усердно упражняться, то постепенно он будет избавляться от мысленного помрачения, от стужающих страстей и обольщений дьявольских, т. е. от всего, что разоряет и уничтожает нашу молитву.

Что такое «трезвение» и доступно ли оно для нашего времени?

– В святоотеческой литературе о молитве много говорится о добродетели трезвения. К примеру, преподобный Исихий Иерусалимский сказал о трезвении, что оно – творец всех заповедей Ветхого и Нового Заветов. Почему он так сказал? Возможно ли в наше время жить трезвенно? Это недоумение основано на следующих двух моментах:

– в той же цитате о трезвении преподобный Исихий говорит, что еще в его время монахи почти утратили трезвение (а о мирянах уж и говорить не приходится);

– приходилось от некоторых современных подвижников слышать такое мнение, что, дескать, сейчас дай Бог только бы сохранить веру православную да соблюсти от смертных грехов, а высокие духовные делания – не для нашего времени...

Создается впечатление, что даже желание трезвения – уже дерзость. Так это или не так?

– Итак, по порядку. Преподобный Исихий сказал о трезвении, что оно – творец всех заповедей. Почему он так сказал? Потому что оно так и есть. Человек не сможет исполнить никакую заповедь, если он не будет трезвенно размышлять: что он должен сделать, какую заповедь он должен исполнить в каждом конкретном случае. Следовательно, без этого рассуждения не исполняется никакая заповедь.

Допустим: или простить оскорбление, или помочь брату, который просит что-то ему сделать, или дать милостыню, или понудить себя на что-то доброе, памятуя, что: «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12), – и т. д. Вот это и есть трезвение, которое понуждает нас исполнять в каждом случае какую-либо заповедь, отсекая какую-либо свою страсть.

Также в каждом грехе, который мы совершаем вольно или невольно, мы должны каяться. А это все делается на основании трезвения.

Нужно понять, что трезвение, как само делание, оно имеет различные степени. И вершины его, может быть, монахи начали утрачивать еще во времена преподобного Исихия. Но христианин не может быть христианином, если он не имеет начального трезвения, т. е. если он не исполняет заповеди евангельские, не внимает голосу своей совести, и не кается, в чем он согрешил. Это – начало трезвения. Даже христиане, которые проводят нерадивую жизнь, все равно проявляют начатки трезвения тогда, когда они готовятся к исповеди. Они думают: «Чем мы согрешили в том, другом, третьем случае?»

Так что каждый имеет трезвение в своей степени, только мы не употребляем слово «трезвение», и потому нам кажется, что это делание – что-то непонятное и как будто совсем неприемлемое – слишком высокое. Тем не менее, каждый человек в какой-то степени к нему приобщается и в нем упражняется.

Насчет того, что приходилось слышать от некоторых подвижников, что, дескать, «сейчас такое время и мы не можем иметь трезвения – лишь бы сохранить православную веру да соблюсти от смертных грехов...»

Мне кажется, если это говорил настоящий подвижник, то он мог сказать так по своему смиренномудрию. Подвижник обычно упражняется в самоукорении, если правильно подвизается. И потому он, находясь в этом делании, не видит его сам в себе и не вменяет его себе в добродетель. И когда его кто-то спрашивает, то он говорит вот такую фразу, для того чтобы смирить свою душу, и не показать перед ближними, что он имеет какое-то делание.

Но может быть, конечно, и другой вариант... может и «вывих» какой-то быть – нужно смотреть, кто это говорит.

«Создается впечатление, что даже желание трезвения – уже дерзость». Ну, это мнение, можно сказать, – «смех сквозь слезы». Какая дерзость? Это жизнь! Трезвение – это христианская жизнь. Я еще раз говорю, что в трезвении есть

разные степени: одно дело – когда человек воспринимает приближающийся помысел «по запаху». Помысел еще не изобразился в уме и сердце, а душа уже чувствует его приближение и распознает, какой «заряд» он в себе несет. Или это злопамятность, или сладострастие, или многостяжание, или что иное...

Тому, кто упражняется в более-менее высоких степенях трезвения, даже не нужно принимать помысла: он чувствует его «по запаху», определяет и отталкивает. Другой же, с низшим деланием, видит зверей приближающихся и влезает на дерево (как сказано у преподобного Иоанна Лествичника), спасаясь таким образом от страстных помыслов. А мы, простые христиане, хотя бы должны исполнять то, что требует от нас наша совесть. Вот наше трезвение. В этом трезвении – вся христианская жизнь. И ставить такой вопрос, что «это дерзость» просто глупо.

Как сохранить душевный мир и живую молитву в условиях современной суеты

– Но как можно сохранить душевный мир и живую молитву в условиях современной суеты?

– «Проклятье века – это спешка», – сказал один из современных поэтов. И, действительно, эта «спешка» сегодня всех весьма и весьма мучит: диавол гоняет нас от мысли к мысли, от желания к желанию, от одного дела к другому, – каждого по-своему на его месте.

Помню, какой для меня был наглядный, поучительный пример – отец Виталий [29]. Он делал все степенно, медленно, спокойно, мирно, рассудительно и, конечно же, верно. Вот эту мирность всем нам необходимо приобретать, потому что, как сказал преподобный Серафим Саровский, «стяжи мир и около тебя спасутся тысячи».

Вот этот мир нам просто необходим, ибо Господь пребывает только в мирном сердце. А когда сердце в смятении, возмущении и наполнено не тем, чем нужно – не памятью Божией, а памятью суетных забот, попечений и развлечений, тогда человек теряет Господа (чтобы не сказать – изгоняет). Господь удаляется, человек мятется и попадает в еще большие сети и козни врагии.

Бывают, правда, люди с естественной медлительностью, но это совсем другое дело. Для духовной жизни нужна ведь не сама медлительность, а духовная степенность и рассудительность – как бы мысленная такая бдительность: «Господи, как в этом деле мне поступить? Господи, а в этом как? Господи, а вот это что? Господи, а здесь что сказать? Господи, как я должен с этим человеком общаться?.. а с этим?» – т. е. постоянная внутренняя работа. И хотя этот навык приобретается не сразу, к нему мы должны стремиться (а то ведь многие даже не знают, к чему мы должны стремиться и чем мы должны заниматься внутри себя).

В этом должен упражняться каждый христианин, хотящий спастись, а не только монахи (как некоторые думают), ибо в этом делании проявляется начало покаяния, исправления, начало совлечения всего ветхого человека со всеми деяниями его и облечение в нового – по образу Христа.

Господь сказал: «Призови Мя в день скорби твоя и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49:15). И когда мы обращаемся к Богу во всяком нашем недоумении, во всяком смущении, во всяком, даже самом незначительном, деле – Господь промышляет и все устраивает во благо. Мы же, будучи и в суете, не теряем Богообщения.

В наше время всеобщей суетности и многопопечительности это делание, мне кажется, одно из самых нужных и самых спасительных для человека.

– Но как быть, если наши повседневные дела все-таки ввергают нас в суету?

– Это происходит потому, что мы исполняем их неправильно, т. е. с богозабвением. Ведь любое житейское дело или послушание надо нести ради Бога, пред Богом и в Боге.

– Как это «ради Бога»?

– Мы должны молиться внутренне: «Господи, Ты видишь, что это послушание для меня неудобноисполнимо. Но ради Тебя, бывшего послушным Отцу даже до смерти крестной, я приступаю к нему: Ты только пошли благодать Твою в помощь мне, ибо без Тебя я буду творить одно лишь зло – зло под личиной добра».

Ведь если человек подумал: «Я сделаю!» – благодать отступает, и он делает ошибки, портит дело, расстраивается, ропщет на дело, ропщет на начальство, на своих сотрудников, ропщет еще на кого-то или что-то, но только не ропщет на свою самонадеянность, что он подумал: «Я это сделаю». Может быть, только в чувстве сердца прошло это движение, человек его и не заметил, но дело он начинает портить. Оно его уже отягощает, он начинает роптать на всех и вся, он – в раздражении. И если его ругают, что испортил дело, он впадает в уныние, расслабление, апатию, и может дойти до большого расстройства в жизни: «Как мне это уже надоело!.. Надо что-то изменить...», – и т. д. А фактически, все очень просто – он питает свою страсть самонадеянности, за которой идет целая цепь последующих грехов.

Если же поступать благоразумно, то должно было прежде всякого дела сказать: «Господи, я такой немощный и грешный, такой ослепленный...» – укорить себя истинно пред Господом. «Но хотя я такой грешный, пошли Твою благодать в помощь мне для исполнения этого дела!»

Человек смиряется, и Господь подает ему благодать Святого Духа. И он делает дело тихо, мирно, спокойно. Если даже он и ошибся, испортил что-то, или его укорили, то ему при этом легко смириться, потому что он знает: «Я такой на самом деле».

– А что значит «пред Богом»?

– Если мы верим словам Господним: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15:5), то, творя всякое дело, мы должны чаще обращать око своего ума к Богу примерно с такой молитвой: «Господи, Ты знаешь, какие последствия будут от этого дела. И поскольку я человек омраченный, то Ты Сам вразуми, научи и помоги мне исполнить это дело так, как Тебе угодно».

Таким образом, мы навываем памяти Божией. А если ее приобретаем, значит, вступаем в живое Богообщение – чувствуем, что к нам близок Господь, и мы близки к Нему. И тогда наше дело совершается в Боге. А это уже – залог спасения.

– Откуда возникает суетливость в поведении?

– Это – одна из многих непримечаемых нами страстей, как сказал апостол: «Ничего не делают, а суетятся» (2 Фес. 3:11). Много дел мы делаем бесполезных и даже душевредных. Но, как говорит народная пословица, «каждый баран за свои ножки висит»...

– Но что же делать практически, чтобы не впасть в суету во всех наших житейских делах и попечениях?

– Есть много различных способов избавления от этой страсти, это зависит от образа жизни каждого человека. Но если говорить вообще, самое главное – должно иметь веру, что Господь печется о нас, и нам, фактически, не о чем заботиться. Нам нужно заботиться только о том, чтобы в каждом конкретном случае побеждать свои страсти (исполняя ту или иную заповедь), искренне каяться в совершенных грехах и смиряться пред Богом и пред людьми. И хотя бы раз в день читать сколько-нибудь Святых Отцов и рассуждать о себе, в каком состоянии мы находимся.

Второе – нужно, чтобы мы имели память Божию и обращались к Нему во всяком, даже незначительном, житейском деле. Если мы это будем иметь, то потихоньку

будем остепеняться: будем сохранять мир души, и житейские дела наши будут устраиваться.

Помню такой наглядный пример. Когда я был у отца Виталия, приехали к нему его духовные чада – матушки. Побыли некоторое время, и вот им уже нужно уезжать. Собираются, батюшка провожает. Мать Мария (батюшкина послушница) торопит: «Отец Виталий, быстрее, они уже опаздывают на поезд! Осталось полчаса!» Но он спокойно продолжает читать молитвы о путешественниках. Она: «Отец Виталий, они уже опаздывают! Ты слышишь?!» Он абсолютно не реагирует, продолжает читать молитвы, оканчивает, дает приложиться к иконе, к кресту. Матушка: «Ну, все! Теперь они точно опоздали!»

А за ними должен был приехать один благодетель на машине и отвезти их на вокзал, но его почему-то нет – или опоздал, или забыл, или что-то случилось. Надо на метро бежать. Быстрее-быстрее – побежали...

И вот, когда они уже пошли на метро, минут через десять приезжает шофер.

– Ну, где же ваши пассажиры?

Матушка сразу на него:

– Почему ты опоздал? Нас подвел, они уже побежали на метро. Тебя нет, они, может, опоздали на поезд!

– Как опоздали? Сейчас еще столько-то времени!

– как?! Не может быть!

– да так! Это ваши часы спешат на сорок минут!

Я подумал: «Ну, отец Виталий!..» Меня поразило то спокойствие, с которым он реагировал на эти, вполне обоснованные, упреки со стороны матушки: «Опаздывают же, отец Виталий! Ну, что же ты делаешь? Что ты тянешь?» А он так тихо, спокойно...

Вот что значит, когда сердечное око человека постоянно обращено к Богу.

Следующее средство – постараться научиться стать на точку зрения со стороны вечности, т. е. смотреть на себя, на свои дела – ежедневные, житейские, обыденные и малые, и большие – с точки зрения вечности: «А как я буду смотреть на себя, когда я перейду уже в вечность?»

Ну, вначале это не будет, конечно, получаться. Вначале, хотя бы мы раз-два за день вспоминали, или, на первый случай, хотя бы вечером просматривали свою жизнь – что произошло за день. Как мы с кем-то спорили, как мы объедались, как смеялись или спали не вовремя, как на кого-то обижались, роптали, осуждали кого-то...

Нужно наблюдать за собой, а потом все пересматривать. Как на видеокамеру сейчас записывают, а потом смотрят – так же и мы должны пересматривать «записанное» у нас в памяти. И тогда мы увидим самих себя. Мы увидим свои грехи, мы увидим свое ничтожество, мы увидим свое окаянство. Это весьма способствует «поломать нам рога» самодовольства, превозношения и прочей гордости и страстности, в том числе – и нашей суетности и многозаботливости. Это очень действенное средство.

Конечно, стяжать такое делание весьма-таки не просто. Но мы должны хотя бы начать своей свободной волей (как об этом говорит преподобный Ефрем Сирий), а завершит дело только благодать Святого Духа. Ведь Господь сказал: «Без Мене не можете творить ничесоже» (Ин. 15:5). Мы предначинаем дело: «Господи, благослови! Господи, помоги! Господи, вразуми! Господи, укрепи! Господи, соверши!», – а Господь благому делу всегда даст в помощь благодать. И тогда мы будем чувствовать себя пред лицом Божиим: будет у нас и смирение, будет у нас покаяние, будет у нас трезвение, будут у нас и прочие Богоугодные плоды.

А если мы суетимся, бегаем «как угорелые», то бесы во время нашей работы (или путешествия) и имеют над нами власть. Здесь враг действует уже как бы по закону справедливости – мы подпадаем под его влияние, т. к. слушаем его, а не Господа: не сделав дело Божие, хотим сделать только свою суету, – а

потому и страдаем.

Есть и еще один весьма действенный способ – как мы должны поступать в поглощающей нас суетности. Мы ее – эту суету – можем использовать.

– Каким образом?

– Нам можно поступать подобно мельнице. Думаю, все знают, что такое водяная мельница, когда «работает» вода, или ветряная мельница, когда «работает» ветер. Идет поток ветра или грязной, мутной воды, но они, тем не менее, крутят колесо. Это колесо передает движение на внутреннее колесо, внутри мельницы крутится жернов и, в конечном итоге, мелется мука. Таким образом, от этого потока мутной воды или ветра получается благое дело – получается нам мука на хлеб (для тела). А в данном случае от потока суеты и ветра искушений мы точно так же можем получать хлеб для души.

Вот каким образом. Скажем, поспорили мы с кем-то. Потом опомнились и сразу: «Господи, прости меня, что я так нагрешил!», – окаяваем себя тут же, на месте преступления. И когда видим, что другой человек ведет себя также, мы уже не осуждаем его, но молимся: «Господи, помоги ему и святыми его молитвами и меня, окаянного, помилуй!» Так чувство осуждения заменяется в нас чувством сострадания. Или видим – кто-то говорит не то, что нужно. Тут же начинаем наблюдать за собой и, замечая что-либо греховное, сразу же каемся: «Господи, прости меня и помоги брату моему, и его святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй!» Снова заменяется чувство осуждения чувством сострадания. Так же должно поступать и с любой другой страстью, какую мы в себе замечаем.

Вот таким образом поток «мутной воды» – житейских искушений – начинает вращать нашу внутреннюю мельницу, с помощью которой мы начинаем извлекать спасительный хлеб для нашей души, то есть молитву, покаяние, смирение, самоосуждение, сострадание нашим ближним и прочие плоды, которые каждый уже будет приобретать свои. Но главное то, что это делание начинает нас учить памяти Божией.

Помню, был у меня такой случай. Когда я решил уединиться, мне сказали: «Если хочешь жить уединенно, то и стройся один». Взял я пилу, пошел строиться. Сделал площадку, нужно ставить столбы. Но как я один подыму столб в четыре метра длиной? Он же тяжелый. Тогда я не стал валить деревья, а решил влезть метра на три от земли и там их спилить.

И вот стоишь на лестнице и пилишь это дерево... и сейчас перед твоим носом оно будет ломаться... а оно 30–40 см толщины и метров 20 длины, и не знаешь, куда оно упадет и что сейчас с тобой будет: останешься ты живой или тебя уже сейчас не будет?... И уже в таком состоянии: «Господи, только Ты можешь меня сохранить!.. Не знаю, что сейчас будет – а пилить-то надо!»

Дерева кое-как спилил, они упали, все обошлось благополучно. Потом посмотрел – выше площадки нужно убрать огромный чинар, около метра толщиной. Он гниловатый в корнях и при сильном ветре может упасть. А если упадет, то прямо на келью. И если такой «хряпнет», то от моей постройки ничего не останется, и мне в той келье гроб будет. Надо его спилить. И умудриться при этом, чтобы он упал в сторону от строительной площадки, потому что его ветки наклонены к площадке. Пилю: «Господи, помоги мне!.. ну, кто мне поможет? Ангел-Хранитель! Ты чуть-чуть сдвинь его – что тебе стоит?.. толкни, и оно полетит!.. а мне как трудно!»

Был Успенский пост, и я думаю: «Господи, прости, что приходится суетиться в пост!» Раньше старец [30] советовал в пост сокращать суету, а здесь уже вижу, что до зимы не успею перейти, поэтому нужно побыстрее строить келью. И уже работаю, и так: «Ну, Господи!.. ну, помоги мне!.. ну, видишь: кто мне поможет?.. никого нет кроме Тебя, Ты помоги мне!» И так молюсь, и такая живая обращенность к Богу, что чувствую: я пред Богом, и Господь зрит на меня. И мне радостно, и я работаю много и не чувствую суеты...

Тогда я понял, что можно работать и не суетиться, можно работать и молиться, работать и иметь память Божию – все зависит только от нас.

Ведь, если разобраться глубже – для чего мы молимся? Для чего заповедано

нам читать непрестанную молитву? Для того чтобы иметь память Божию, которая потом открывает путь к Богообщению. А здесь, при этом делании (о котором я упомянул), именно это и совершается. Если мы бдим внутри, если наша внутренняя «шестеренка» работает, то она дает нам память Божию – приводит к ней при нашем старании и при помощи благодати Святого Духа. Вынужденные внешние обстоятельства заставляют нас обращаться к Богу. Только беда наша в том, что мы нерадим об этом. А надо бы: если изнемог, устал: «Помоги, Господи!»; раздражился: «Прости, Господи!»; запутался в недоумениях: «Вразуми, Господи!»; осудил кого-то: «Прости, Господи, его и меня, помилуй нас и помоги нам исправиться!»

Таким образом, мы начинаем нашу живую молитву и через это приобретаем память Божию. А, приобретая память Божию, мы приближаемся к той цели, к какой мы стремимся, ради чего мы читаем молитву. И хотя мы не молимся непрестанно, но все же мы приобретаем память Божию, и она нас учит, ведет по пути к Богообщению. Конечно, не сразу, не на первых ступенях. Но это – один и тот же путь. Только одни навывают памяти Божией посредством внимания, без развлечения помыслов. А другие, находящиеся в миру, среди искушений, могут приобретать это чрез живую молитву о всем свершающемся пред ними, постоянно исповедуя пред Богом свою немощь, прося у Него помощи и вразумления во всех обстоятельствах.

Это очень важно. Этому деланию учил еще святой праведный Иоанн Кронштадтский. А мы знаем, что отец Иоанн Кронштадтский – это знамение нашего времени, его образ спасения дан нам, как образец для нашего спасения. Он находился постоянно среди людей, находился постоянно в толпе, но молитву не прекращал. Как засвидетельствовал о нем старец Силуан: «Он никогда не терял благодати Святого Духа». Другие подвижники теряли, находясь даже в пустыни или в затворе. Он же, сказано, никогда не терял благодати Святого Духа, но сохранял и умножал ее. Почему? Потому что у него было именно это делание: он смотрел на скорби людей, их страдания, болезни, и они подвигали его к усердной молитве об этих людях. Они его учили живому Богообщению, непрестанной молитве. Он вопиял ко Господу от всего сердца, что говорила сама душа. И вот он в такой суете, в такое страшное предреволюционное время сохранил благодать Святого Духа и явился одним из величайших святых нашего времени.

Так что и мы должны этому учиться. И это должна быть не просто теория, а практическая, повседневная жизнь.

Приложения

Случай из жизни аввы Антония

Однажды блаженный Антоний молился в келии своей, – и был к нему глас: Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии. Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию.

Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню. Кожевник отвечал: не знаю за собою, чтобы я сделал когда-либо и что-либо доброе. По этой причине, вставая рано с постели моей, прежде, нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать.

Услышав это, блаженный Антоний отвечал: поистине, сын мой, ты как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыни, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими.

Случай из жизни аввы Макария

Однажды, когда преподобный Макарий молился, к нему был голос, который говорил: «Макарий! Ты не достиг еще такого совершенства в добродетельной жизни, как две женщины, проживающие вместе в ближайшем городе».

Беседа о молитве filosofff.org

Получив такое откровение, преподобный взял свой посох и пошел в тот город. Найдя там дом, где жили означенные женщины, Макарий постучался в дверь. Тотчас одна из тех женщин вышла на стук и, увидев преподобного, с великой радостью приняла его в свой дом. Призвав к себе обеих женщин, преподобный сказал им:

– Ради вас я принял на себя такой великий подвиг, придя сюда; из дальней пустыни, ибо я желаю знать ваши добрые дела, о которых и прошу вас рассказать мне, ничего не скрывая.

– Поверь нам, честный отче, – отвечали женщины, – что мы еще прошлую ночь разделяли ложе свое со своими мужьями: какие же добродетели ты желаешь найти в нас?

Но преподобный настаивал, чтобы они рассказали ему образ своей жизни. Тогда, убежденные им, женщины сказали:

– Мы не были родственницами между собой прежде, но потом мы вышли замуж за двух родных братьев, и вот уже пятнадцать лет мы живем все вместе в одном доме. Во все время своей совместной жизни мы не сказали друг другу ни одного злобного или дурного слова и никогда не ссорились между собой, но до настоящего времени прожили в мире и согласии между собой. Недавно мы единомысленно решили оставить своих плотских супругов и удалиться в сонм святых дев, служащих Богу. Но мы не можем упросить наших мужей, чтобы они отпустили нас, хотя с большой настойчивостью и многими слезами молили их об этом. Не получив желаемого разрешения, мы заключили завет с Богом и между собой – не произносить ни одного мирского слова до самой смерти нашей.

Выслушав их рассказ, преподобный Макарий сказал:

– Поистине Бог не ищет ни девы, ни замужней, ни инока, ни мирянина, но свободного намерения, принимая его, как само дело, и добровольному произволению всякого человека подает благодать Святого Духа, действующего в человеке и управляющего жизнью каждого, желающего спастись.

Беседа с сектанткой

Однажды ехал я в монастырь N. Добрался до города, спешу с автобуса на железнодорожный вокзал, чтобы успеть на электричку. По дороге нагоняю – идут: старуха, молодая женщина и ее сын лет десяти. Когда я поравнялся с ними, вдруг молодая женщина обращается ко мне с вопросом:

– Простите, Вы духовный человек? Ответьте нам на один вопрос.

– Какой?

– Ответьте: когда будет конец света?

Вопрос как бы по делу и вроде бы не с издевкой. Тем не менее, как ей ответить в двух словах? Я подумал, помолился мысленно: «Господи, вразуми, что ей ответить?» Приходит мысль, говорю: «Конец света будет тогда, когда люди перестанут каяться». («Ну, вот – запомни это сам», – говорит мне помысел). Я сказал ей, она мне ничего больше не ответила, и я пошел дальше.

Прихожу на вокзал, а электричка уже ушла. За мной приходят эти трое – они тоже опоздали. Стоим вместе, ждем следующую электричку. Женщина подошла, снова начала говорить. Оказалось, она – сектантка-иеговистка. Беседовали мы с ней более трех часов. Было очень много всего переговорено, но она ни в какую, «ни в проворот»: все оспаривает. Подошла электричка, мы сели, продолжаем беседовать. Но она все отвергает: и «в чудеса мы не верим», и «душу не признаем» и т. п.

Когда наша электричка приблизилась к станции N., я взмолился: «Господи, вразуми: что ей сказать? Просто жалко человека. Никакое убеждение ни по Священному Писанию, ни по другим соображениям она не принимает. Что ей сказать?» И говорю: «Ну, вот знаете – сейчас мы расстанемся, и, может быть, никогда на Земле уже не встретимся. Но я Вам, как человек человеку говорю, что Вы сделаете грубую ошибку, потому что попадете в бедственное состояние

после смерти. И это еще усугубится Вам тем, что и Ваша мать, которая Вам доверяется, и Ваш сынок, которого Вы, по-видимому, любите, будут с Вами также мучиться, т.к. они Вам доверились, Вас слушают, а Вы делаете великую духовную ошибку. Вы впали в заблуждение. Может быть, мы расходимся с Вами навсегда, но я, конечно, по долгу человеческой любви за Вас помолюсь. Так что будьте внимательны. Господь не хочет смерти грешника, но всем желает спастись и в разум истины прийти. И мне кажется, что если Он Вам не дал прежде какого-то вразумления относительно этого заблуждения, то, я думаю, после нашего расставания Он не оставит Вас в неведении. Если Вы искренне заблуждаетесь и хотите познать истину искренним сердцем, тогда Господь Вас так не оставит. Он подаст Вам вразумление: или через сон, или еще каким-либо образом. Так что будьте внимательны».

Когда я ей сказал о том, что, может быть, Господь даст вразумление через сон, она вдруг встрепенулась, изменилась в лице и говорит:

– А Вы знаете мне уже было, по-видимому, дано вразумление!

– Какое?

– Здесь, в электричке, я встретила с двумя женщинами-иеговистками. Они меня убеждали в вере, которую проповедовали. Я их послушала и приняла. После этого ночью мне снится, что эти две женщины толкают меня в глубокую, страшную яму. Втолкнули, а я вроде бы карабкаюсь, хочу вырваться оттуда, но не могу. Они мне препятствуют и обратно толкают в эту яму. Я барахтаюсь, барахтаюсь, но не могу никак выбраться. Может быть, этот сон и есть «вразумление»?

– Да, – говорю, – несомненно. Тем более Вы видели этих женщин, какие они были на самом деле. Так что благодарите Бога, примите к сведению и оставьте свое прежнее еретическое мудрование.

Так мы с ней расстались.

Подумалось мне тогда: если мы что-то говорим или делаем, то всякое слово и дело нужно предварять молитвой, потому что если мы говорим только «от своего ума», просто по начитанности, то слова наши бывают малодейственны и не воспринимаются собеседником. Когда же мы говорим, испрашивая помощи свыше, тогда с помощью благодати Святого Духа они становятся более действенны, а слушающий их человек – более восприимчив.

И еще подумалось: воистину Господь близ нас есть на всяком месте, во всяком обстоятельстве. Ближе, чем мы это предполагаем, – ближе, чем наша рубашка к телу. И потому, если мы Его просим о помощи, Он приходит к нам и подает вразумление, что сказать. А другому человеку подается помощь и вразумление принять. Этой женщине – Ксении – Господь послал вразумление (сон про иеговисток) прежде ее молитвы. Но поскольку она не обратила на него внимания, то Господь благоволил через другого человека напомнить ей об этом, чтобы она приняла таковую милость Божию с должным вниманием и сделала для себя соответствующие выводы.

Не хочет Господь смерти грешника, но подает каждому по его потребности, и всем хочет спастись и в разум истины прийти.

Посему Богу нашему слава, хвала и благодарение на всяком месте владычества Его во веки веков!

Примечания

1

Здесь есть такой обычай: собираются по вечерам на кухне, горит печка, и ведутся разные разговоры (прим. автора).

2

Мы ей об этой молитве немного рассказали (прим. автора).

3

Относительно бесовского вопля необходимо сделать дополнительное пояснение. Эта женщина, ее сестра и брат были соблазняемы иеговистами и даже склонились к общению с ними. Согласно их учения, они уже начали смотреть на иконы без веры и должного почитания, но после нескольких наших бесед все же начали возвращаться в лоно Православной Церкви. Потому-то раздраженный бес и кричал за окном (прим. автора).

4

Только нужно следить за тем, чтобы высказываемые нами желания были бы угодными Богу (прим. автора).

5

См. описание этих двух случаев в приложении (прим. ред.).

6

На горных пастбищах есть небольшие сарайчики – балаганы, в которых летом живут пастухи, а зимой и осенью отдыхают охотники (прим. автора).

7

Прим. создателя электронного файла книги. В оригинале книги здесь стоит слово «порыв». Возможное прочтение этого слова в соответствии с предполагаемым смыслом выражения – «прорыв».

8

Прим. создателя электронного файла книги. В оригинале книги здесь стоит слово «порыв». Возможное прочтение этого слова в соответствии с предполагаемым смыслом выражения – «прорыв».

9

Кого этот вопрос интересует более глубоко, пусть найдет и почитает книгу о. Серафима (Роуза) «Православие и религия будущего» (прим. автора).

10

Более подробно эта тема будет рассмотрена далее – в последних главах брошюры (прим. ред.).

11

Должно заметить: слова «самоуправление», «самовоспитание», «самопонижение» и другие «само» я употребляю намеренно – не для воздвигания самости, т. е. самонадеянности, но для врачевания нашего сегодняшнего нерадения об исправлении своих греховных склонностей, и для искоренения самооправдания своих грехов тем, что «мы, дескать, не имеем сегодня старцев и духоносных наставников, потому и живем так нерадиво».

Не раз уже в беседах приходилось упоминать о видении прп. Пахомия Великого. В этом видении Господь показал преподобному Пахомию величайшие бедствия последних монахов. Однако же и сказал: «А иже по тебе [т. е. после тебя] быти имут, в мрачном рве тобою виденнии, не имущи таковых наставников, могущих от того мрака извести их, самовольным своим произволением отскочивше от тьмы, светлым заповедей Моих путем усердно пойдут, и угодни Мне обрящутся». (См. житие прп. Пахомия Великого, 15 мая по ст. ст.).

Вот потому-то я и говорю: если мы не имеем (по какой-либо причине)

духовного наставника, то мы не должны оправдывать себя этим, пребывая в нерадении, но должны заниматься самоисправлением (самопонижением, самовоспитанием) по заповедям Христовым – ибо иначе спастись не сможем.

Вся суть благоразумия спасения состоит в том, чтобы свое самоволие направлять не на удовлетворение своих греховных желаний, а «самовольным своим произволением» удаляться от тьмы и идти путем исполнения заповедей Христовых. «Своевольно» надо начать исполнять Волю Божию, а Господь, видя это благое намерение – вразумит и поможет (прим. автора).

12

Ср. Мф. 10:42: «и кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (прим. ред.).

13

Ср. Еф. 2:2–3: «вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие» (прим. ред.).

14

Здесь существует определенная взаимосвязь. Если душа обременена грехами, то она томится и страдает. И со временем от этой немощной души начинает изнемогать и тело – у кого раньше, у кого позже. А при делании добрых дел ободряются и душа, тело. Насколько дела угодны Богу, настолько душа становится здоровой. А от нее – и тело. Но это последнее бывает, конечно, не всегда, а в соответствии с Промыслом Божиим (прим. автора).

15

Самоцен – завышенное мнение о себе, самолюбование (прим. ред.).

16

По этому поводу у автора «Бесед» имеется интересный рассказ о его встрече с сектанткой-иеговисткой. Желающие могут прочесть этот рассказ в конце брошюры, в приложении (прим. ред.).

17

Ср.: Мф. 7:2 (прим. ред.).

18

Поскольку это большая отдельная тема, то касаться ее мы пока не будем (прим. автора).

19

из пьесы А. М. Горького «На дне» (прим. ред.).

20

Поскольку эти образцы предназначены для обучения нашего ума внимательной молитве, то читаются они, естественно, в частном порядке. Каждая фраза произносится медленно, с паузой – чтобы мог усвоиться смысл произносимого (прим. автора).

21

Каждый говорит своё, в чём обличает совесть – блудное, гордое, гневное и т. д. (прим. автора).

22

Что его беспокоит в настоящий момент (прим. автора).

23

Чем конкретно (прим. автора).

24

Христовою (прим. автора).

25

дабы сам не соблазнялся и других не соблазнял – ибо соблазн убивает веру и этим убивает душу (прим. автора).

26

Сион – ветхозаветный прообраз Церкви, и мы просим об устройении храма нашей души, как и апостол говорит: «Храм Божий есте вы» (1 Кор. 3:16) (прим автора).

27

Когда в душе водворится священный мир (прим автора).

28

Цитата приводится в пересказе автора (прим ред.).

29

Схиархимандрит Виталий, в миру Виталий Николаевич Сидоренко, родился в 1928 году в одной из станиц Краснодарского края.

С самого раннего детства будущий старец был отмечен печатью особого избранничества Божия. С 14-летнего возраста он, судьбами Божиими, – странник. С 1948 г. – послушник Глинской пустыни (под руководством опытного духовника – схиархимандрита Серафима (Романцова)). Далее, по благословению старцев монастыря – в преддверии закрытия Глинской пустыни – монах-отшельник в Кавказских горах. И, наконец, в течение последних 16-ти лет, – пастырь стада Христова в священном сане.

Деятельно исполнив всей своей жизнью Евангелие Христово, этот замечательный подвижник явил нам образец истинно-христианской жизни.

Блаженная кончина схиархимандрита Виталия наступила 1 декабря 1992 года. Похоронен он в ограде храма св. благоверного князя Александра Невского г. Тбилиси (прим. ред.).

30

Схиархимандрит Серафим (Романцов) (прим. ред.).

Беседа о молитве filosoff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!